

Тайная страсть

Автор:

Джоанна Линдсей

Тайная страсть

Джоанна Линдсей

Он был русским князем, неукротимым «русским варваром», похитившим благородную леди Кэтрин Сент-Джон. Она была гордой красавицей, сражавшейся с ним, точно тигрица. Но могла ли она сражаться со страстью, что, как тайное пламя, зародилась в ее сердце?

Пламя страсти, подобно маяку, вело их сквозь бурные моря и золотую роскошь русских дворцов, сквозь опасности и интриги. Пламя страсти засияло для них в конце концов сиянием незамутненного счастья!

Джоанна Линдсей

Тайная страсть

Роман

Бабушке Розе, необыкновенной женщине, которую я люблю

Глава 1

Лондон, 1844 год

Очередной весенний ливень был готов вот-вот пролиться на головы прохожих, но Кэтрин Сент-Джон почти не обращала внимания на черные тучи, угрожающе нависшие над головой. Явно занятая неотвязными и, по всему видно, невеселыми мыслями, девушка рассеянно обходила розовые кусты, росшие в маленьком садике, срезая душистые бутоны, из которых позже намеревалась собрать два изящных букета и поставить в гостиных, своей и сестры Элизабет. Ее брат Уоррен, как всегда, весело проводил где-то время, поэтому вовсе не нуждался в цветах для украшения комнаты, в которой почти не бывал. А отец Кэтрин, Джордж, терпеть не мог роз.

– Не выношу их навязчивого запаха! Разве можно сравнивать эти вульгарные цветы с лилиями, ирисами или хотя бы полевыми маргаритками!

Кэтрин в жизни не пришло бы в голову послушаться отца. Во всем, что касалось его прихотей, она была на редкость уживчивым человеком, и потому каждое утро слуга посылался на поиски полевых маргариток для графа Страффорда, невзирая на то, что в городе их было совсем не так легко найти.

– Ты просто чудо, моя дорогая Кейт, – любил повторять отец, и Кэтрин обычно принимала комплимент как должное, причем дело было совсем не в том, что она так уж нуждалась в похвалах, нет, просто ее достоинства и совершенства были предметом гордости и самоуважения. Кэтрин нравилось ощущать себя нужной и необходимой, и она действительно была нужна и необходима. Конечно, Джордж Сент-Джон мог считаться главой семейства, но именно Кэтрин управляла хозяйством, и именно на нее он полагался во всех вопросах. И Холден-Хаус, особняк на Кавендиш-сквер, и Брокли-Холл, загородное поместье графа, были владениями, где безраздельно царила Кэтрин.

Она была хозяйкой, домоправительницей и управляющим в одном лице, и отец весьма ценил эти превосходные качества. Кроме того, поскольку девушке обычно удавалось самой справляться со всеми домашними затруднениями, неприятностями и бедами, не ставя в известность отца, тот, ни о чем не тревожась, мог посвящать все время и силы единственной страсти, единственному увлечению – политике.

– Доброе утро, Кит. Позавтракаешь со мной? Пожалуйста!

Подняв глаза, Кэтрин увидела Элизабет, высунувшуюся из окна спальни, выходящего на площадь, с риском свалиться вниз.

– Я уже позавтракала, дорогая, несколько часов на зад, – отозвалась Кэтрин, едва повысив голос. Не в ее характере было кричать, даже в тех случаях, когда это казалось необходимым.

– Тогда кофе. Пожалуйста! – упрашивала Элизабет. – Мне очень нужно поговорить с тобой.

Кэтрин наконец улыбнулась, соглашаясь, и, подхватив корзинку с розами, направилась к дому. Говоря по правде, она тоже терпеливо ждала, пока Элизабет проснется, чтобы серьезно побеседовать с сестрой. Обе, несомненно, имели в виду один и тот же предмет разговора, поскольку вчера вечером их позвали в кабинет графа, правда, по отдельности, но причина оказалась все та же – лорд Уильям Сеймур.

Лорд Сеймур, неотразимый молодой человек, дьявольски красивой внешности, очаровал и покорила с первого взгляда невинную юную Элизабет. Они встретились в самом начале сезона, первого сезона Бет, и бедняжка с тех пор не взглянула ни на одного мужчину. Они влюбились друг в друга, охваченные тем старым как мир чувством, которое так любят воспевать поэты и которое способно лишить рассудка даже самых разумных людей. Но кто такая Кэтрин, чтобы осуждать их только лишь потому, что сама она считала столь сильные эмоции попросту глупыми, бесцельной тратой энергии, которую лучше стоило бы употребить на что-то полезное?! Она счастлива за младшую сестру... по крайней мере была... до прошлой ночи.

За несколько секунд, понадобившихся Кэтрин, чтобы пересечь холл, она успела разослать всех слуг с поручениями – отнести наверх поднос с завтраком, отправить почту в ее кабинет, напомнить графу, что на утро назначена встреча с лордом Селдоном и тот должен появиться через полчаса. В кабинет отца были посланы две горничные с приказом убедиться, все ли в порядке (Джордж отнюдь не отличался аккуратностью), а в спальню Элизабет отправлены вазы с водой. Не привыкшая терять время даром, Кэтрин собиралась во время беседы расставлять розы.

Будь она из тех людей, в обычае которых откладывать неприятные разговоры на потом, наверняка бы постаралась избегать Элизабет как чумы. Однако такое было не в ее принципах. Хотя Кэтрин совсем не была уверена в том, какие именно доводы намеревается привести сестре, однако твердо знала, что ни за какие блага мира не подведет отца и сделает именно так, как считает он.

– Ты единственная, кого она послушает, Кейт, – уговаривал Джордж прошлым вечером. – И должна заставить Бет понять, что это не пустые угрозы. Не позволю, чтобы она связала жизнь с этим негодяем.

Он только что поведал дочери гнетущую историю, но ее спокойное «конечно, отец» заставило его обороняться со все большим пылом:

– Ты же знаешь, Кейт, я никогда не был деспотом. Поэтому и предоставляю все тебе. Кто лучше сумеет справиться со всеми неприятностями?!

Оба улыбнулись, зная, что, если понадобится, Кэтрин могла быть непрекаемо-властной. Правда, такое случалось крайне редко, поскольку домочадцы делали все возможное, чтобы угодить ей.

– Я хочу, чтобы мои дочери были счастливы, – продолжал оправдываться Джордж, – однако, не в пример другим отцам, почти всегда стараюсь относиться к ним снисходительно.

– Я бы сказала, что обычно ты пытаешься понять своих детей.

– Мне тоже хотелось бы так думать.

И это была правда. Джордж не часто вмешивался в дела детей, хотя причиной этому было отнюдь не равнодушие. Ни в коем случае. Однако если кто-нибудь из них попадал в беду, точнее говоря, если Уоррен попадал в беду, Джордж предпочитал перекладывать все заботы на плечи Кэтрин. Все и во всем полагались именно на нее, и девушка старалась оправдывать ожидания домашних.

– Но скажи, ради Бога, Кейт, что еще я мог сделать? Знаю, Бет воображает, что влюблена в этого типа. Возможно, так оно и есть, однако какое это имеет

значение?! Я узнал из самых достоверных источников, что Сеймур вовсе не тот, за кого выдает себя. И вот-вот очутится в долговой тюрьме! Но представляешь, что девочка отвечает мне на это? «Мне все равно. И если понадобится, я убегу с Уильямом!» Подумать только, мне приходится выслушивать подобные дерзости от собственной дочери! – И Джордж уже спокойнее, хотя и нерешительно, добавил: – Она ведь на самом деле не думает убежать, правда?

– Конечно, нет! Она просто огорчена, отец, – заверила Кэтрин. – Бет сказала это лишь затем, чтобы хоть немного облегчить боль и разочарование.

Прошлой ночью Бет отправилась спать в слезах. Кэтрин, сильно расстроенная из-за сестры, однако, была слишком практичной, чтобы позволить событиям выбить ее из колеи. Правда, Кэтрин чувствовала себя немного виноватой, поскольку именно она была компаньонкой сестры и поощряла растущую привязанность между молодыми людьми. Но теперь все изменилось. Бет не может стать женой лорда Сеймура. Ее необходимо заставить понять и принять это. Сестра должна попытаться начать новую жизнь.

Постучав всего один раз, Кэтрин открыла дверь спальни сестры. Девушка даже не успела переодеться и все еще была в шелковом розовом пеньюаре, накинутом поверх белой полотняной ночной сорочки. Она сидела перед туалетным столиком, а горничная проводила щеткой по ее длинным белокурым локонам. Даже измученная горестями, девушка выглядела очаровательной, и капризно опущенные уголки губ не могли отвлечь внимания от ослепительной красоты Элизабет Сент-Джон.

Сходство сестер ограничивалось лишь ростом и цветом глаз, причудливым смешением оттенков голубого и зеленого. У всех Сент-Джонов радужка светло-бирюзового цвета была окружена темным сине-зеленым кольцом. Слуги клялись, что глаза леди Кэтрин загорались сверхъестественным светом, как только та была недовольна чем-то или приходила в ярость. Но это, конечно, было совершеннейшей неправдой. Просто необычные глаза, единственная, по мнению Кэтрин, красивая черта, затмевали все остальное, так что ее внешность казалась ничем не примечательной.

Что касается Элизабет, светлые волосы лишь оттеняли бирюзовые глаза, брови темного золота и прелестное личико. Она обладала классической красотой, унаследованной от матери. Уоррен и Кэтрин пошли в отца: темно-каштановые волосы, гордый аристократический нос, полные губы. И если Уоррена по праву

можно было посчитать представительным и даже красивым мужчиной, то для женщины эти черты казались немного резковатыми. Кроме того, Кэтрин была слишком мала ростом, чтобы сохранять на лице присущее мужской половине Сент-Джонов выражение высокомерия. Определение «довольно хорошенькая» могло посчитаться по отношению к ней величайшим комплиментом.

Зато отсутствие красоты с лихвой восполнялось характером. Кэтрин недаром считали благородной великодушной женщиной и многогранной личностью. Уоррен любил подшучивать над сестрой, говоря, что та настолько изменчива и многолика, что вполне может играть на сцене. Кэтрин умела совершенно естественным образом приспособиться к любой ситуации, причем либо взять ответственность на себя, либо скромно следовать указаниям тех, кто уже успел принять бразды правления. Однако многие из этих черт отнюдь не были наследственными. Кэтрин успела немало усвоить за тот год, что провела во дворце в должности фрейлины королевы Виктории. Если придворная жизнь и учит чему-нибудь, так именно искусству лицедейства и дипломатии.

Все это было два года назад, после ее первого сезона, окончившегося сокрушительным провалом. И теперь Кэтрин уже двадцать один, скоро исполнится двадцать два, и в обществе единогласно считают, что она «засиделась». Совершенно омерзительное определение, почти такое же противное, как «старая дева». Да, конечно, светские сплетницы часто прохаживались таким образом насчет Кэтрин, но сама она себя таковой не считала. Кэтрин твердо намеревалась в один прекрасный день выйти замуж за солидного, надежного и спокойного мужчину постарше, конечно, не такого неотразимого красавца, о котором мечтают юные дебютантки, но отнюдь не урод. Ни один человек из ее знакомых не мог отрицать, что из Кэтрин получится превосходная жена. Все дело в том, что она просто не была готова стать чьей-то женой. Отец по-прежнему нуждался в ней, не говоря уже о Элизабет и Уоррене, которому в противном случае пришлось бы принять на себя обязанности, подобающие графскому наследнику, чего он боялся как огня и пока не имел ни малейшего желания отважиться на подобный подвиг.

Элизабет нетерпеливым жестом отослала горничную и, подняв голову, встретила глазами с отражением Кэтрин в зеркале.

– Кит, отец рассказал тебе, что сотворил?

Какое горестно-безутешное личико! Глаза Элизабет и сейчас подозрительно блестели, словно девушка вот-вот была готова разразиться слезами. Кэтрин, естественно, преисполнилась сочувствием, но лишь потому, что именно ее сестре приходится страдать. На самом же деле способность тратить столько сил и эмоций на такую глупость, как любовь, была просто выше ее понимания.

– Я знаю, дорогая, все, что он сделал, и уверена, что ты уже успела хорошенько выплакаться, так что теперь успокойся. Больше никаких слез, пожалуйста.

Кэтрин вовсе не собиралась выглядеть такой бессердечной. Она действительно искренне хотела понять, что так терзает сестру. Наверное, сама Кэтрин от природы слишком прагматична, да к тому же видит вещи в реальном свете, а это вряд ли сейчас поможет. Кэтрин твердо верила, что, если ты не способен выиграть после того, как все средства использованы, лучше сдаться и попробовать собраться с силами для новой борьбы. Никто и никогда не увидит, что она бьется головой о стену и беспомощно ломает руки, полная жалости к себе!

Бет развернулась на маленькой бархатной табуретке, и две огромные слезы действительно поползли по ее нежным щекам.

– Тебе легко говорить, Кит. Это не твоему жениху отец отказал от дома!

– Жениху?

– Ну конечно! Уильям просил моей руки, прежде чем отправиться к отцу за благословением, и я согласилась.

– Понятно.

– О, пожалуйста, не нужно говорить таким тоном! – вскричала Элизабет. – И не обращай со мной, словно с не угодившей тебе горничной!

Столь неожиданное нападение застало Кэтрин врасплох. Господи, неужели она действительно кажется настолько снисходительной?

– Прости, Бет, – искренне ответила она. – Конечно, сама я в жизни не оказывалась в подобном положении, так что мне нелегко проникнуться...

– Неужели ты никогда не была влюблена, хотя бы немного? – с надеждой осведомилась Бет. Кэтрин – единственная, кто могла бы переубедить отца, но если она не осознает, насколько это важно...

– Бет, ты ведь знаешь, я не верю в... я хочу сказать, что...

Умоляющее выражение на личике младшей сестры еще больше усложняло положение. Появление горничной, принесшей завтрак на подносе, спасло Кэтрин от необходимости говорить правду. Она действительно считала себя невероятно счастливой тем, что была одной из немногих женщин, способных трезво оценивать любовь, это глупое и совершенно непрактичное чувство, к тому же часто разрушающее жизнь и приносящее одни неприятности. Стоит лишь посмотреть на добрую милую Бет, чтобы понять правоту Кэтрин. Но в эту минуту Бет вовсе не желала выслушивать правду о том, насколько смехотворны ее переживания. Она нуждалась в сочувствии, а не в насмешке.

Кэтрин взяла чашку с дымящимся кофе, подошла к окну и, подождав, пока за горничной закроется дверь, повернулась к сестре, явно страдающей отсутствием аппетита.

– Был когда-то один молодой человек, который, как я думала, мог бы стать мне неплохим мужем, – негромко пробормотала она.

– Он любил тебя?

– Он даже не подозревал о моем существовании, – вздохнула Кэтрин, вспомнив молодого лорда, которого считала настоящим красавцем.

– Мы встречались на балах весь сезон, но каждый раз при разговоре он, казалось, смотрел сквозь меня, словно беседовал сам с собой. Меня будто не было рядом, а все внимание он уделял куда более хорошеньким молодым леди.

– Значит, тебе все-таки было больно?

– Нет... прости, дорогая, но я даже тогда была реалисткой. Мой молодой человек был слишком красив, чтобы интересоваться мной, хотя нуждался в деньгах, а я, как всем известно, могла считаться выгодной партией. И поскольку у меня не оставалось ни малейшего шанса поймать его, я не слишком расстраивалась.

– Значит, ты просто не любила его по-настоящему, – упрямо возразила Бет.

Кэтрин, поколебавшись, покачала головой:

– Любовь, Бет, – то самое чувство, которое приходит и уходит с поразительной регулярностью. Возьми хоть свою подругу Мэри. Сколько раз за все это время, что ты ее знаешь, она была влюблена? Шесть? Восемь? По-моему, не меньше.

– Это не любовь, а увлечение. Мэри слишком молода, чтобы понять, каким бывает истинное чувство.

– А ты, в восемнадцать, считаешь себя достаточно взрослой?

– Да! – решительно кивнула Бет. – О, Кит, почему ты не желаешь понять? Я люблю Уильяма!

Пришло время открыть глаза наивной Бет и заставить ее увидеть суровую правду. Очевидно, сестра не пожелала выслушать наставления отца.

– Лорд Сеймур – охотник за приданым. Он проиграл все свое наследство и теперь волей-неволей должен жениться на деньгах, а ты, Элизабет, богатая невеста.

– Я не верю этому! И не поверю никогда!

– Отец не стал бы лгать в подобных случаях, и если лорд Сеймур утверждает другое, значит, именно он говорит неправду.

– Мне все равно. Я выйду за него во что бы то ни стало.

– Но я не могу позволить тебе сделать такую глупость, дорогая, – твердо объявила Кэтрин. – Отец выполнит обещание, лишит тебя наследства и не даст

ни шиллинга. И тогда и тебе, и твоему Уильяму придется милостыню просить! Не допущу, чтобы твоя жизнь была разрушена из-за этого негодяя!

– О, почему я воображала, что ты согласишься мне помочь? – воскликнула Бет. – Ты ничего не понимаешь! Жалкая, высохшая, сморщенная, старая зануда!

Обе одновременно охнули от неожиданности.

– О Боже, Кит, я не хотела...

Кэтрин поверила сестре, но боль все равно тонкой иголкой вошла в сердце. Она попыталась выдавить улыбку, но смогла только пролепетать:

– Я знаю, Бесс.

В этот момент появилась еще одна горничная с двумя наполненными водой вазами. Кэтрин велела отнести все в свою гостиную, а сама пошла к двери, подхватив по пути корзину с розами, но у самого порога остановилась:

– Думаю, нам пока не стоит говорить об этом. Но по верь, я желаю тебе только добра, просто ты не хочешь этого видеть.

Элизабет долго в отчаянии ломала руки, прежде чем вскочить и побежать за Кэтрин. Она еще никогда не видела такого потрясенного выражения на лице сестры. В эту минуту Бет забыла даже про Уильяма. Необходимо немедленно помириться с Кэтрин!

Девушка отпустила горничную и осталась наедине с Кэтрин в большой комнате, красиво обставленной мебелью в стиле чиппендейл, с чехлами, вышитыми самой Кит. Не зная, что сказать, Элизабет принялась нервно мерить шагами толстый ковер с узором ромбами, покрывавший весь пол от стены до стены. Кэтрин, однако, не обращая внимания на сестру, принялась расставлять розы.

– Ты вовсе не высохшая! – наконец вскрикнула Элизабет. – И уж, конечно, не старая!

Кэтрин подняла глаза, все еще не в силах улыбнуться:

- Но иногда бываю занудой?

- Нет, не занудой... а слишком строгой и правильной, как это и должно быть.

Наконец Кэтрин все-таки сумела улыбнуться.

- Я стала такой, когда пришлось принимать во дворце всех этих чопорных старых немецких и испанских дипломатов. Как только стало известно, что я бегло говорю на обоих языках, мне никогда больше не пришлось испытывать недостатка в соседях по столу.

- Какая тоска! - посочувствовала Бет.

- Ничуть! Поверь, так увлекательно узнавать все больше нового и интересного о других странах из первых рук. Это почти так же чудесно, как путешествовать, а ведь отец не разрешает мне поехать по свету.

- А приходилось ли тебе развлекать беседой какого-нибудь очаровательного француза? Ты ведь говоришь по-французски, как настоящая парижанка!

- Как и все остальные придворные, дорогая.

- Да... я и забыла, - пробормотала Бет, снова начиная нервно метаться по комнате. Что делать? Кит улыбнулась, но в глазах ее по-прежнему стыла обида. О, эти ужасные, грубые, безжалостные слова! Если бы только она обладала сдержанностью Кит! Сестра никогда ничего не говорила сгоряча!

Случайно взглянув в окно, Элизабет увидела экипаж, показавшийся ей знакомым.

- Разве отец ожидал сегодня лорда Селдона?

- Да. Лорд уже прибыл?

Бет, отвернувшись от окна, кивнула:

– Терпеть не могу этого старого козла! Помнишь, когда мы были маленькими, ты вылила из окна кувшин воды прямо ему на голову. Я смеялась до слез...

Кэтрин подняла вторую вазу с водой и медленно направилась к окну. Грум в яркой ливрее как раз помогал лорду Селдону выйти из кареты.

– Кит, не нужно, – предостерегла Бет, хотя улыбалась при этом во весь рот. – В прошлый раз отца едва не хватил удар. Нас обеих выпорют!

Кэтрин ничего не ответила и, подождав, пока ничего не подозревающий лорд Селдон встанет у двери, как раз под окном, опрокинула вазу и поспешно отстранилась. В комнате раздались смешки.

– Господи Боже, ты видела его лицо? – еле выговорила Кэтрин между приступами хохота. – Он выглядел в точности, как снулая рыба!

Бет в приступе бурного веселья даже не сумела ответить сестре. Обняв Кэтрин, она заливалась смехом.

– Что ты скажешь отцу? – наконец выдохнула она. – Он придет в бешенство.

– Да, несомненно. А я заверю его, что непременно уволю неуклюжего слугу, виновного во всем этом безобразии.

– Он тебе не поверит, – хихикнула Бет.

– Поверит, уверяю тебя! Он никогда ничего не узнает, поскольку не вмешивается в домашние дела. А теперь я должна помочь лорду Селдону. Нельзя же, чтобы он намочил весь ковер в холле! Молись, дорогая, чтобы я смогла выдержать все это с серьезным видом!

Леди Кэтрин Сент-Джон величественно выплыла из комнаты, чтобы постараться сделать то, в чем преуспела лучше всего, – утешить и справиться с неожиданно возникшей неприятностью. Кроме того, ей удалось также помириться с сестрой.

Глава 2

– Grandmere[1 - Бабушка (фр.)], он едет! – воскликнула молодая девушка, врываясь в комнату в вихре белого кружева и шелка. Даже не взглянув на бабушку, она подбежала к окну, откуда могла видеть процессию элегантных экипажей, быстро катившихся по длинной подъездной аллее. На прикушенной острыми зубами нижней губке показалась крохотная капелька крови. Костяшки пальцев, вцепившихся в подоконник, побелели от напряжения. В темно-карих глазах стоял неподдельный страх.

– О Боже, что делать? – охнула она. – Он меня побьет!

Ленора Кадуорт, вдовствующая герцогиня Олбемарл, вздохнув, прикрыла глаза. Она слишком стара для подобных представлений! Ну... по правде говоря, не настолько уж она дряхлая, но такие драмы в ее возрасте тоже ни к чему. А внучке, прежде чем опозорить себя в глазах общества, следовало подумать о последствиях!

– Возьми себя в руки, Анастасия, – спокойно велела она. – И если твой брат избьет тебя, в чем я сильно сомневаюсь, это не более того, что ты заслуживаешь! Даже ты должна признать это.

Княжна Анастасия резко развернулась и трагически заломила руки.

– Да... но он убьет меня! Вы просто не знаете его, бабушка. И никогда не видели его в гневе. В такие минуты он сам не помнит, что делает. Конечно, он не намеревается задушить меня, но поверьте, я буду мертва, прежде чем успею вымолвить хоть слово!

Ленора поколебалась, припоминая последнюю встречу с Дмитрием Александровым четыре года назад. Даже тогда, в двадцать четыре года, он был настоящим гигантом, огромного роста, с широченными мускулистыми плечами и мощными руками – недаром он несколько лет прослужил в русской армии. Да, Дмитрий неимоверно силен. И способен убить человека даже без оружия. Но собственную сестру?! Немыслимо! Что бы она ни сделала, Дмитрий на такое не способен!

Ленора решительно покачала головой:

– Конечно, брат сердит на тебя, как тому и следует быть, но вряд ли дело дойдет до трагедии.

– О, *grandmere*, почему вы ничего не хотите слушать? – заплакала Анастасия. – Дмитрий никогда не жил с вами! За всю жизнь вы виделись с ним раз шесть, и то недолго! А я прекрасно его знаю! Лучше, чем кто бы то ни было! И к тому же он теперь мой опекун!

– Но прошлый год ты провела со мной, – напомнила Ленора. – И за все это время даже не написала Дмитрию!

– Хотите сказать, что он вовсе не такой, кем я его считаю, и успел всего за год так сильно измениться? Нет, мужчины, подобные Дмитрию, никогда не меняются. Он русский...

– Наполовину англичанин.

– Но воспитывался в России! – настаивала Анастасия.

– Он много путешествует. И проводит всего полгода в России, а иногда и меньше.

– Только с тех пор, как подал в отставку!

Они никогда не придут к согласию относительно характера Дмитрия. Сестра считала его настоящим тираном, еще худшим, чем царь Николай. Но Ленора была уверена, что это вовсе не так. Дмитрий многое унаследовал от ее дочери Энн. Петр Александров был далеко не так образован, как собственный сын.

– Постарайся успокоиться до того, как он войдет, – приказала Ленора. – Уверена, что он, как и я, терпеть не может истерик.

Снова выглянув в окно, Анастасия обнаружила, что первый экипаж уже успел остановиться перед громадным особняком. Девушка охнула и, метнувшись к Леноре, встала перед ней на колени.

– Пожалуйста, бабушка, пожалуйста! Вы должны поговорить с ним! Заступиться за меня! Поверьте, скорее всего он будет взбешен совсем не из-за того, что я сделала! Дмитрия не назовешь ханжой! Беда в том, что ему пришлось отложить все дела, чтобы приехать за мной, а Дмитрий всегда ставит перед собой определенные цели и составляет планы на много месяцев вперед! Он даже может сказать вам, что будет делать в этот день через год! Но если что-то или кто-то препятствует ему, он делается просто невыносимым! Вы послали за ним, оторвали от всех занятий и теперь должны мне помочь!

Наконец-то Ленора поняла истинную причину этого небольшого спектакля!

Она решила выждать до последнего момента, чтобы у меня не осталось времени все хорошенько обдумать!

Весьма изобретательно. Но Анастасия Александрова всегда была неглупой молодой женщиной. Испорченной, избалованной, крайне непостоянной, но в уме ей не откажешь. Итак, именно Леноре предназначается роль укротителя наводящего ужас чудовища, не так ли? И видимо, она должна при этом забыть, как эта дерзкая девчонка умудрялась на каждом шагу ослушаться ее, открыто пренебрегала правилами приличия, жила по собственным законам. Анастасия даже отказалась вернуться в Россию после того, как разразился последний скандал. Если бы не это, Ленора и не подумала бы послать за Дмитрием.

Ленора взглянула в изысканно-прекрасное, полное беспокойства личико, поднятое к ней. Ее Энн была прелестной, но все Александровы отличались совершенно необычайной красотой. Ленора была в России всего один раз, когда умер Петр и Энн нуждалась в поддержке матери. Там она встретила других отпрысков князя Александрова, троих детей от первого брака и множество побочных, и все они были необыкновенно красивы. Но эти двое – ее внуки. Единственные любимые внуки. Сын Леноры, ныне здравствующий герцог Олбемарл, потерял жену, прежде чем та родила ему детей. Он так и не женился вторично и не выражал ни малейшего желания вступить во второй брак. Говоря по правде, именно Дмитрий был законным наследником герцогского титула.

Ленора вздохнула. Эта девчонка способна даже ее обвести вокруг пальца! Анастасии необходимо покинуть Ан глию, пока не заглохнет очередной скандал и не улягутся сплетни, но Ленора понимала, что придется снова пригласить внуку погостить. Конечно, жизнь в одном доме с ней может быть весьма бурной

и совершенно суматошной, зато уж ни в коем случае не скучной.

– Иди в свою комнату, девочка, – велела Ленора. – Я поговорю с Дмитрием. Но имей в виду, я ничего не обещаю.

Анастасия вскочила и бросилась на шею бабушке:

– Спасибо! И простите меня, grandmere! Я знаю, что была для вас жестоким испытанием...

– Лучше уж для меня, чем для брата, особенно если с ним так тяжело жить, как изображаешь ты. Ну а теперь иди, пока он не вошел.

Княжна поспешила выйти, и как раз вовремя: минуту спустя дворецкий объявил о приезде князя Дмитрия Александрова... по крайней мере попытался объявить. Но Дмитрий, не дожидаясь, пока приличия будут соблюдены, ворвался в комнату, как только открылась дверь. Ленора ошеломленно смотрела на внука. Боже, неужели возможно, что он стал еще красивее, чем четыре года назад?! Да, именно так! Золотистые волосы, пронзительные темно-карие глаза, черные, прямые, сросшиеся на лбу брови – все, как и раньше, но если в двадцать четыре года в Дмитрие что-то оставалось от прежнего мальчика, то теперь перед Ленорой стоял мужчина, и притом такой, какого она не видела за все шестьдесят девять лет. Он даже превзошел красотой отца, а Ленора всегда считала, что не встречала мужчины привлекательнее Петра Александрова.

Дмитрий тремя широкими шагами пересек комнату и вежливо поклонился бабке. Его манеры значительно улучшились, чего не скажешь о надменном взгляде и высокомерном выражении лица, – неужели это действительно ее внук?

Но зубы Дмитрия тут же блеснули в неотразимой улыбке, а сильные руки стиснули плечи Леноры. Герцогиня невольно поморщилась, но Дмитрий, ни на что не обращая внимания, поднял ее с кресла и звучно поцеловал в обе щеки.

– Отпусти меня, негодяй! – почти выкрикнула она. – Имей почтение к моему возрасту!

Она была явно взволнована. Такая сила! Да, у Анастасии есть все причины нервничать! Если этот возвышающийся над ней гигант решит задать девчонке трепку, которую та полностью заслуживает...

- J'en suis au regret[2 - Весьма сожалею (фр.)].

- Прекрати эту французскую белиберду! – отрезала герцогиня. – Ты прекрасно владеешь английским, и я была бы тебе крайне благодарна, если станешь употреблять в моем доме исключительно этот язык.

Дмитрий откинул львиную голову и разразился громким искренним смехом. Какой глубокий бархатистый звук! Давно в доме герцогини не было слышно мужских голосов!

Все еще улыбаясь, он усадил Ленору в кресло.

- Я сказал, что очень сожалею, бабушка, но вы даже не выслушали мои извинения! Вижу, вы по-прежнему ужасно сварливы. Однако я скучал по вам. Зря вы не приехали в Россию.

- Мои старые кости не вынесли бы ваших зим, и тебе это прекрасно известно.

- Тогда мне придется приезжать сюда почаще. Мы слишком давно не виделись, бабушка.

- О, да садись же, Дмитрий! У меня шея болит глядеть на тебя снизу вверх! И кроме того, ты не слишком торопился!

Он обращался с ней как с ребенком, и Ленора не могла противостоять искушению заставить внука оправдываться.

- Я получил ваше письмо, только когда на Ладоге растаял лед, – пояснил Дмитрий и, схватив первый попавшийся стул, придвинул его поближе к креслу герцогини.

- Это мне известно, – кивнула Ленора. – Как, впрочем, и то, что твой корабль пришвартовался к лондонской пристани три дня назад. Мы ожидали тебя еще

вчера.

- Нужно же мне было немного восстановить силы после такого утомительного путешествия!

- Господи, да я представить не могла, что ты способен столь изысканно выражаться. Надеюсь, она хотя бы была хорошенькой?

- Невероятно!

Если Ленора и надеялась обезоружить внука подобной прямоотой, то ничего не вышло. Дмитрий даже не покраснел. Никаких извинений, ни малейшего раскаяния, только ленивая улыбка в ответ. Ей следовало бы предвидеть нечто подобное. Если верить тете Дмитрия, часто писавшей Леноре, молодой человек никогда не испытывал недостатка в женском обществе, особенно во внимании замужних женщин. Анастасия права. Было бы чистым лицемерием упрекать сестру за неблагоразумие и некоторую неосторожность, когда о его собственных многочисленных романах знали даже в Лондоне.

- Что ты намереваешься предпринять относительно сестры? - осторожно спросила Ленора, пока добродушное настроение Дмитрия еще не успело испортиться.

- Где она?

- В своей комнате. Она не особенно рада твоему приезду и, кажется, считает, что ты будешь с ней резок, поскольку тебе пришлось бросить все свои дела и срочно ехать сюда.

Дмитрий пожал плечами:

- Признаюсь, сначала я был вне себя. Сейчас крайне неподходящее время покидать Россию.

- Мне очень жаль, Дмитрий. Ничего этого не понадобилось бы, не устрой эта глупая женщина сцену, когда обнаружила собственного мужа в постели с Анастасией. Но на балу собралось не меньше сотни гостей, и половина из них,

услышав вопли, поспешила на помощь несчастной. А у Анастасии не хватило ума спрятать голову под одеяло, чтобы ее не узнали. Подумать только, вскочила в одной сорочке и спорит с оскорбленной женой!

- Жаль, конечно, что Анастасия не оказалась более осмотрительной, но не стоит заблуждаться, бабушка, Александровы никогда не прислушивались к публичному мнению и не переживали из-за слухов и сплетен. Нет, моя сестра провинилась именно тем, что ослушалась ваших повелений.

- Она просто чересчур упряма и отказывается склонить голову перед осуждением общества - еще одно общее качество всех Александровых.

- Вы слишком защищаете ее, бабушка.

- Тогданими тяжесть с моей души и скажи, что не намереваешься побить ее.

Дмитрий окинул бабушку недоумевающим взглядом. Только через несколько минут до него дошел смысл ее слов, и золотоволосый великан разразился оглушительным смехом.

- Что именно рассказывала девчонка обо мне?

У Леноры хватило совести покраснеть.

- Очевидно, несла всякую чушь, - резко бросила она.

Но Дмитрий снова усмехнулся:

- Она слишком взрослая для хорошей трепки, хотя мне приходила такая мысль. Нет, я просто увезу ее до мой и найду мужа. Ей нужен такой, чтобы глаз с нее не спускал!

- Анастасии это совсем не понравится, мальчик мой. Девочка десятки раз твердила мне, что замужество не для нее, и в этом она полностью с тобой согласна.

– Ну что же, возможно, Настя изменит свое мнение, когда узнает, что я намереваюсь жениться еще до конца года.

– Ты это серьезно, Дмитрий? – поразилась Ленора.

– Совершенно. А теперь из-за этой поездки я был вынужден покинуть будущую невесту, так и не сделав предложения!

Глава 3

Кэтрин положила на свой лоб очередной холодный компресс и устало прислонилась головой к спинке кресла. Она ушла к себе утром, сразу же после того, как отдала приказания слугам. Но мерзкая головная боль по-прежнему не желала оставить ее в покое. Скорее всего она просто выпила слишком много шампанского на вчерашнем балу. Как не похоже на нее! Кэтрин крайне редко пила спиртное на балах и званых ужинах, особенно на тех, где выступала в роли хозяйки.

Ее горничная Люси бесшумно передвигалась по комнате, приводя все в порядок. Завтрак на подносе остался нетронутым. Сейчас Кэтрин не могла вынести даже мысли о еде.

Девушка вздохнула, глубоко и громко. К счастью, бал имел шумный успех, несмотря на ее легкое опьянение. Даже Уоррен сделал над собой усилие и соизволил показаться среди гостей. Сам по себе вчерашний вечер не имел ничего общего с невыносимой головной болью. Все дело в Элизабет и ее записке, принесенной горничной, как только стали прибывать первые приглашенные: поскольку Уильяма не пригласили на бал, она тоже не собирается приходить.

Просто невероятно! За всю неделю со дня их последнего разговора Кэтрин не услышала от нее ни единого слова жалобы. Бет слезинки не проронила! Кэтрин уже считала, что та смирилась с судьбой, и была невероятно горда за сестру. Подумать только, как стоически она несет бремя разбитых надежд! И вот теперь, ни с того ни с сего, эта записка, яснее ясного доказывающая, что Бет отнюдь не забыла Уильяма. Оставалось лишь гадать, почему она ни разу не

заплакала и не пожаловалась.

И что теперь должна думать Кэтрин? Ах, все равно, в этот момент, когда виски распирает, а голова буквально раскалывается, она вообще не способна ни о чем думать.

Кэтрин поморщилась от громкого стука в дверь. Вошла Элизабет в прелестном шелковом, цвета лесного мха, наряде для прогулок. Она небрежно раскачивала за ленты изящную шляпку и держала под мышкой кружевной зонтик.

- Марта сказала, что ты неважно чувствуешь себя, Кит.

Никакого упоминания о прошлой ночи, ни даже виноватого взгляда! И это после всех трудов Кэтрин, собравшей на балу самых завидных женихов в надежде, что кто-нибудь из них привлечет внимание сестры. Конечно, говоря по правде, Кэтрин ничуть не утомилась. Развлекать две сотни приглашенных вовсе не так уж сложно, если знаешь, с какого конца взяться за дело.

- Боюсь, я слишком много выпила вчера вечером, дорогая, - пояснила Кэтрин. - Ничего страшного, к полудню все пройдет.

- Вот и хорошо! - рассеянно бросила Бет.

Ее мысли явно заняты чем-то. Но чем?! И куда она собралась?

Кэтрин не собиралась пока упоминать о лорде Сеймуре, но необходимо было узнать о намерениях Бет. В душе зародилось неприятное подозрение и нагло подняло свою змеиную голову.

- Ты уходишь?

- Да.

- Тебе придется попросить Джона править экипажем. Генри вчера заболел.

- Это... это ни к чему, Кит. Я просто... немного пройду пешком.

- Пройдешься? - тупо повторила Кэтрин.

- Да. Надеюсь, ты уже успела заметить, что день чудесный, а погода - самая подходящая для прогулок.

- Не успела. Ты ведь знаешь, я редко обращаю внимание на погоду.

Боже милостивый, прогулка! Да Бет в жизни не ходит пешком! У нее такой высокий подъем, что стоит прошагать сотню ярдов, и она тут же натирает ноги. И откуда такая нерешительность? Этот заикающийся голосок?

- Ты надолго, дорогая?

- О, не знаю, - уклончиво пробормотала Бет. - Может, доберусь до Риджент-стрит и кое-что куплю, пока покупателей немного. Помнишь, как тяжело протиснуться в лавки после полудня?

Кэтрин лишилась дара речи, и прежде чем успела прийти в себя, Бет помахала на прощание рукой и вышла из комнаты. Глаза Кэтрин опасно блеснули, головная боль была тут же забыта, вытесненная тревожной мыслью:

Господи, неужели она способна сотворить подобную глупость? Нет, нет, не может быть!

Но необычное поведение Элизабет, это смехотворное заявление насчет прогулки и еще более абсурдное утверждение, что она отправится по магазинам делать покупки - одна, без экипажа, куда могла бы складывать пакеты! Она наверняка назначила Уильяму свидание! И если боится признаться в этом, значит, они сговорились убежать! У него было достаточно времени, чтобы получить разрешение на брак. А в этом городе чересчур много церквей!

- Люси!

В дверях почти мгновенно возникла рыжеволосая горничная:

- Леди Кэтрин?

- Позовите мою сестру и попросите вернуться.

Горничная буквально выпорхнула из комнаты, встревоженная паническими нотками в голосе госпожи. Она успела догнать леди Элизабет у подножия лестницы, и обе поднялись в комнату Кэтрин.

- Что-то случилось, Кит?

Взгляд определенно виноватый.

Мысли Кэтрин лихорадочно метались. Что делать?

- Бет, умоляю, обсуди с поваром меню сегодняшнего ужина. Я, кажется, не в состоянии принимать никаких решений.

Очевидное облегчение.

- Конечно, Кит.

Элизабет закрыла за собой дверь, оставив ошеломленную Люси недоумевающе тарашиться на хозяйку.

- Разве вы не успели...

Кэтрин поспешно вскочила с кресла.

- Да-да, но это задержит Бет на несколько минут, пока я успею переодеться. Хоть бы повар не проболтался, что я уже с ним сегодня поговорила, и все превосходно обойдется!

- Не понимаю, леди Кэтрин, о чем вы.

- Откуда тебе понять! Я собираюсь предотвратить ужасную трагедию. Моя сестра собирается сбежать из дома!

Рот Люси открылся сам собой. Она, естественно, слышала сплетни слуг относительно леди Элизабет и молодого лорда Сеймура и о том, чем угрожал дочери граф, если она выйдет замуж против его воли.

- Может, лучше остановить ее сразу, миледи?

- Не будьте глупенькой! Как я могу остановить ее, не имея ни малейшего доказательства? - нетерпеливо отмахнулась Кэтрин, расстегивая утреннее платье. - Быстро, Люси, мне нужна твоя одежда. Кроме того, Бет без всякого труда сможет улизнуть из дома в следующий раз, стоит мне лишь отвернуться! Не могу же я запереть ее в комнате! Придется последовать за ними в церковь и помешать этой свадьбе. Ну а потом я увезу Бет в Брокли-Холл, где смогу не спускать с нее глаз.

Горничная, совершенно ничего не соображая, все-таки поспешно сняла черную полотняную униформу и вручила ее Кэтрин.

- Но зачем вам мое...

- Скорее, Люси, помоги мне натянуть это. Можешь переодеться в мое платье после того, как я уйду, разумеется. Зачем? Для того, чтобы меня не узнали, конечно. Если Бет заметит, что я слежу за ней, наверняка не станет встречаться с лордом Сеймуром, и у меня так и не будет никаких доказательств. Мне ничего не удастся сделать, пока она снова не попытается сбежать. Теперь понятно?

- Да... нет... о, леди Кэтрин, не можете же вы выйти из дома в платье горничной! - воскликнула Люси, помогая застегнуть крахмальный воротничок.

- Да в этом все и дело, Люси! Теперь меня никто из знакомых не узнает! Даже Бет! - пробормотала Кэтрин, пытаясь натянуть юбку на множество нижних юбок. Ничего не получалось. Люси носила только две нижние юбки.

- Не выходит. Нужно избавиться от всех оборок и от этой ужасной юбки, подбитой конским волосом. Ну вот, уже лучше.

Четыре нижние юбки упали к ногам Кэтрин, и теперь униформа сидела превосходно, хотя и оказалась чуть длинна, поскольку Люси была на несколько

дюймов выше хозяйки. Но поделаться с этим уже ничего было нельзя.

– Вы не надеваете этот длинный передник, когда выходите из дома, верно, Люси?

– Нет.

– Я так и думала, но не была уверена. О, почему я никогда не замечала подобных вещей? Как насчет зонтика?

– Нет, миледи, только ридикюль в кармане...

– Этот?

Кэтрин вытащила маленький мешочек из верблюжьей шерсти с длинными ручками.

– Превосходно. Не возражаете, если я одолжу его? Господи, мне хочется выглядеть естественно и ничем не выделяться из прохожих. Наверное, эти кольца тоже следует снять!

Кэтрин поспешно стянула большой рубиновый перстень и колечко с жемчугом.

– Ну а теперь шляпку, да поскорее! Капор! Это поможет мне скрыть лицо!

Горничная, оставшись в одном белье, поспешила к гардеробу и вернулась с самой старой шляпкой Кэтрин.

– Она слишком хороша, миледи.

Кэтрин схватила шляпку и безжалостно оторвала всю отделку.

– Ну?

– Как вы сказали, леди, превосходно. Вы больше не похожи на...

Кэтрин улыбнулась, видя, как краснеет Люси. Очевидно, горничная испугалась, что наговорила лишнего.

– Не похожа на леди? – закончила она и хмыкнула, заметив, что щеки девушки еще больше побагровели. – Ничего, не смущайтесь, девочка моя. Этого я и добивалась.

– О, миледи... я ужасно беспокоюсь. Мужчины на улицах бывают ужасно нахальными. Возьмите с собой хотя бы нескольких лакеев...

– О небо, только не это! – воскликнула Кэтрин. – Бет легко узнает любого из них!

– Но...

– Не волнуйтесь, дорогая, со мной все будет в порядке.

– Но...

– Я должна идти!

Люси долго стояла, ломая руки и в ужасе глядя на закрытую дверь. Что она наделала?! Леди Кэтрин никогда в голову не приходило ничего подобного! Да она просто не понимает, на что решилась. Боже, только на прошлой неделе на Люси напал здоровенный детина, всего в двух кварталах от дома! Именно в тот день на ней было это же платье! Если бы джентльмен, проезжавший мимо в дорогом экипаже, не пришел ей на помощь, просто неизвестно, что случилось бы! Но этот парень не первый, кто приставал к ней с непристойными предложениями. У простой девушки защитников не бывает. А леди Кэтрин ушла из дома в платье простой девушки.

Однако Кэтрин не совсем удалось перевоплощение. Да, она сумела изменить внешность, но не манеры и осанку! Независимо от одежды она была и оставалась дочерью графа и не умела вести себя как служанка, даже если попыталась бы. Но Кэтрин и не пыталась. Это ей было ни к чему. Главное, чтобы Элизабет не узнала сестру, если случайно оглянется. И Бет действительно оглядывалась каждую минуту, подтверждая подозрения Кэтрин относительно того, что она боится преследования. Кэтрин приходилось каждый раз поспешно

опускать голову. Но пока все шло как нельзя лучше.

Она последовала за сестрой по Оксфорд-стрит. На перекрестке та свернула налево. Кэтрин держалась на почтительном расстоянии. Зеленое шелковое платье было легко различить в толпе, хотя на тротуаре с каждой минутой становилось все больше народа.

Бет действительно направлялась к Риджент-стрит, что, однако, отнюдь не успокоило Кэтрин. Вполне подходящее место для свидания с Уильямом, и к тому же в это время дня там не так много людей, хотя клерки уже спешили на работу, а служанки делали покупки для хозяев. Мостовые были запружены фургонами, развозящими товары, каретами, экипажами и дилижансами.

Кэтрин потеряла из виду Бет, как только та свернула на Риджент-стрит, и поэтому пришлось ускорить шаг. Она почти бежала, но неожиданно замерла как вкопанная, заметив, что Бет остановилась всего через три лавки и внимательно рассматривает витрины. Кэтрин не осмелилась подойти поближе и поэтому оставалась на месте, нетерпеливо притоптывая ножкой и не обращая внимания на многочисленных прохожих.

– Эй, крошка!

Кэтрин даже не поняла, что обращаются именно к ней, поскольку представить не могла, что подобный тип осмелился заговорить с леди.

– Ну же, нечего нос задирать!

Наглец даже схватил ее за руку, чтобы привлечь внимание хорошенькой горничной.

– Прошу прощения, это вы мне?

Кэтрин ухитрилась посмотреть на мужчину сверху вниз, что оказалось совсем нелегко при том, что он был выше ее на голову. Но тот и не думал ее отпускать.

– Фу-ты ну-ты, какие мы важные! Но мне такие и нравятся!

На нем был приличный костюм, в руке трость, однако манеры оставляли желать лучшего. Неплохо сложен, и лицо приятное, но Кэтрин не обратила на это внимания. Никогда в жизни к ней не прикасался, да еще так грубо, незнакомый мужчина. До сих пор ее всегда могли защитить лакеи или грумы, и теперь девушка совершенно растерялась, не зная, что делать. Какое-то шестое чувство заставило ее попытаться вырвать руку. Но нахал с силой вцепился в нее, не отпуская.

– Убирайтесь, сэр! Не желаю, чтобы мне надоедали!

– Ну же, крошка, к чему ломаться! – По широкой улыбке было понятно, что ему даже нравится ее внезапное отчаянное сопротивление. – Все равно ты стоишь здесь без дела! Тебе не повредит, если согласишься весело провести часок.

Кэтрин была потрясена. Губы невольно кривились от омерзения. Может, ей стоит порезче возразить ему? Да нет, вряд ли. Она достаточно ясно дала понять, что не хочет его видеть.

Она отвела кулак с зажатым в нем жестким ридикулем Люси и замахнулась на мужчину. Он поспешно отскочил и, хотя сумел избежать удара, все же споткнулся и налетел на другого пешехода. Тот с силой оттолкнул его, пробормотав затейливое проклятие, от которого уши и щеки Кэтрин загорелись.

Мгновение спустя негодяй выпрямился и злобно уставился на нее:

– Стерва! Достаточно было простого «нет»!

Ноздри Кэтрин яростно раздувались. Она едва не опустилась до его уровня, высказав все, что думает о его «справедливом» негодовании. Но для этого она была слишком хорошо воспитана и потому лишь гордо отвернулась, но тут же застонала, заметив, что во время всей этой суматохи Элизабет отправилась дальше и сейчас была уже едва ли не в квартале от нее.

Анастасия была раздражена неожиданной задержкой. Вот уже полчаса, как их карета застряла на оживленном перекрестке Риджент-стрит, а поток экипажей и фургонов все не редел. Городской дом их дяди был всего в нескольких кварталах отсюда, и быстрее было бы добраться туда пешком.

– Ненавижу этот город, – жаловалась она. – Улицы такие узкие и многолюдные по сравнению с Санкт-Петербургом! И там никто никуда не спешит!

Дмитрий ничего не ответил, даже не напомнил сестре, что она находится здесь по собственному желанию. Он просто продолжал смотреть в окно. Чего вообще ожидала Анастасия? Дмитрий двух слов не промолвил во время всего пути в Лондон. Но он и так высказал больше чем достаточно, до того как они успели покинуть загородное поместье герцога.

Анастасия вздрогнула, вспомнив, в какую ярость пришел брат. Правда, не бил ее, но она почти жалела, что он этого не сделал. Все лучше, чем вынести этот ужасный приступ гнева. Дмитрий рвал и метал, называя ее безмозглой дурой, и наконец, уничтожающе глядя на сестру, бросил:

– Все, что ты делаешь в постели и в чьей постели при этом находишься, дело не мое. Я дал тебе ту же свободу, которой пользуюсь сам. Но я приехал сюда не поэтому, Настя. Я здесь, потому что ты возымела дерзость пренебречь желаниями grandmere.

– Но с ее стороны по меньшей мере неразумно отсылать меня домой из-за подобных пустяков!

– Молчать! То, что считается у нас пустяками, для этих англичан едва ли не трагедия! Здесь не Россия!

– Нет, в России за каждым моим шагом следит тетя Соня. Там я как в тюрьме!

– Значит, я правильно сделаю, препоручив тебя заботам мужа, который, вероятно, будет куда более снисходительным.

– Дмитрий, нет!

Но он не пожелал дальше обсуждать эту тему, поскольку уже принял решение. Но даже в этот момент он не нанес удара, которого со страхом ждала Анастасия, – мести за все неприятности, которые она ему доставила. Это случилось как раз перед тем, как Дмитрий повернулся, чтобы уйти.

– Тебе лучше молиться Богу, чтобы мои планы не были погублены твоим непристойным поведением и этой совершенно ненужной поездкой, Настя, – грубо бросил он, – иначе, можешь быть уверена, выбранный мной муж вряд ли придется тебе по душе.

Остальные четыре дня, проведенные им в поместье герцогини, Дмитрий вел себя безупречно, был весел и успел очаровать всех домочадцев, однако Анастасия не могла забыть его угроз, нависших над ней мрачным облаком. Вряд ли стоит надеяться, что он сказал это в порыве гнева и не подумает выполнить свое обещание! Конечно, муж – это не так уж плохо, особенно если он предоставит ей свободу и станет глядеть сквозь пальцы на ее подчас весьма опрометчивые поступки. По крайней мере она навеки избавится от постоянного строжайшего надзора Сони. Но мужчина, который станет требовать верности, вынудит силой исполнять его желания, заставит слуг шпионить за ней или, пожалуй, начнет бить, если Настя станет ему противиться, – это совершенно другое дело, а именно такого грозился отыскать ей брат.

Анастасии никогда раньше не приходилось попадать в такую переделку, хотя она часто становилась свидетельницей диких сцен, но обычно другие люди страдали от ужасной ярости Дмитрия, с сестрой же он всегда был добрым и любящим. Это доказывало лишь, как сильно ухитрилась она вывести его из себя, и теперь Дмитрий, конечно, недоволен поведением сестры. Анастасия знала, что он придет в бешенство, понимала, что зашла слишком далеко в непослушании герцогине. И холодное пренебрежение брата лишь подтверждало, что он так и не простил ее.

Они сидели в карете вдвоем, что делало молчание еще более невыносимым. Слуги ехали сзади, в многочисленных экипажах. Кроме того, при них был эскорт из восьми казаков, которые всегда сопровождали князя, когда тот покидал Россию, что казалось вполне естественным и необходимым, если вспомнить о богатстве Дмитрия. Англичане с нескрываемым любопытством рассматривали этих странных для них воинов, с огромными усами, в мундирах русской армии, меховых шапках и вооруженных до зубов. Они привлекали внимание всех прохожих, однако не позволяли никому приблизиться к ним.

О Господи, ну почему карета все еще не двигается с места? Если уж приходится возвращаться домой, чем скорее это произойдет, тем лучше.

– Не можешь ты приказать своим людям расчистить дорогу, Митя? – спросила наконец девушка. – Столько неприятностей, и все из-за какого-то несчастного перекрестка!

– Не вижу причин для спешки, – не глядя на сестру, ответил Дмитрий. – Мы отплываем только завтра, а сегодня шагу не сделаем из городского дома. Не хватало еще, чтобы царь узнал об очередном скандале, когда приедет летом в Лондон, чтобы посетить королеву Викторию.

Анастасия молча прикусила губку, разозленная предупреждением, предназначенным, конечно, исключительно для ее ушей! Она впервые услышала о приезде царя Николая в Англию! И кроме того, действительно надеялась вечером ускользнуть из дома и провести, возможно, последнюю свободную и веселую ночь перед долгой чередой унылых дней, которые ей предстоят в России.

– Но, Митя, в карете ужасно душно! Мы сидим здесь уже...

– Не более пяти минут, – сухо перебил он. – И прекрати жаловаться!

Анастасия окинула брата разъяренным взглядом, но тут же с удивлением услышала веселый смешок. Дмитрий по-прежнему смотрел в окно, так что Анастасия не оскорбилась, просто пришла в бешенство.

– Рада видеть, что тебе нравится два часа ждать здесь непонятно чего, – саркастически заметила она, но, не получив ответа, резко спросила: – Ну, что там такого смешного?

– Девица отбивается от обожателя. Весьма свирепая штука!

Дмитрий был заинтригован, хотя не совсем понимал почему. У девушки была неплохая фигура, но ничего особенного. Полные груди, натягивающие ткань слишком тесного корсажа, тонкая талия, довольно узкие бедра, и все это прикрыто уродливым черным платьем. Он видел ее лицо всего несколько

мгновений, причем издалека, поскольку она стояла на противоположной стороне улицы. Не красавица, зато пикантна: огромные глаза на маленьком личике; небольшой, но решительный подбородок.

Не размахивай она так ридикюлем, Дмитрий даже не заметил бы ее. Она не из тех женщин, которые обычно вызывали у него интерес, – слишком маленькая, похожа на ребенка, если бы не эти дерзкие груди. Но она забавляла его. Столько высокомерного негодования в такой малышке! И Дмитрий не мог припомнить, когда в последний раз женщина сумела развеселить его до такой степени.

Какой-то непонятный порыв заставил его позвать Владимира. Преданный слуга, готовый на все ради хозяина, незаменимый человек, Владимир не задавал лишних вопросов, никогда не осуждал хозяина, не высказывал собственного мнения. Он просто повиновался приказам и неуклонно их исполнял.

Несколько слов доверенному слуге, и Владимир исчез. Минуты через две лошади тронулись.

– Просто поверить не могу! – негодуяще воскликнула Анастасия, прекрасно поняв, о чем идет речь. – Значит, теперь он еще и сводничает?! Берет для тебя шлюх прямо с улицы?! Она, должно быть, необыкновенно красива.

Но Дмитрий не обратил внимания на ее язвительный тон.

– Не особенно. Достаточно сказать, что она возбудила мое любопытство. Мне нравится одерживать победы там, где другие потерпели поражение.

– Но уличная девка, Митя?! Она может быть больна или еще что похуже.

– А тебе понравился бы такой оборот, не правда ли, дорогая? – сухо осведомился он.

– В эту минуту, возможно, да! – запальчиво вскинулась она, но в ответ получила лишь вежливую улыбку.

А Владимир тем временем пытался справиться сразу с двумя трудностями – нанять кеб и не упустить из виду хрупкую фигурку в черном, продолжавшую

поспешно шагать по Риджент-стрит. Поблизости не было ни одного наемного экипажа, Владимир плохо говорил по-английски и не намного лучше по-французски. Но деньги обладают способностью мгновенно разрешать все проблемы, и эту в том числе. После нескольких попыток ему удалось уговорить кучера маленькой закрытой частной кареты покинуть свой пост у столба, рядом с которым тот ждал хозяина. Сумма, равная почти годовому жалованью, стоила риска потерять работу.

Теперь оставалось догнать женщину. Очевидно, карета не могла догнать ее на запруженной экипажами мостовой. Кучеру было приказано следовать за Владимиром так быстро, как только возможно. Тот лишь покачал головой, удивляясь прихотям богачей. Подумать только, нанять карету за такие деньги и даже не сесть в нее! Но кто он такой, чтобы возражать, если этот тип готов платить?!

Владимир поравнялся с женщиной почти в конце улицы, но лишь потому, что она неизвестно почему остановилась и встала посреди тротуара, глядя вперед.

– Mademoiselle?[3 - Мадемуазель? (фр.)]

– Oui?[4 - Да? (фр.)] – рассеянно спросила она, едва взглянув на него.

Превосходно. Значит, она говорит по-французски. Большинство английских простолюдинов ни слова не знали на этом языке, да и на родном говорили как-то странно, и Владимир боялся, что не сумеет объясниться с ней как следует.

– Выслушайте меня, пожалуйста, мисс. Мой хозяин, князь Александров, хотел бы воспользоваться вашими услугами на сегодняшней вечер.

Обычно одного упоминания имени Дмитрия было достаточно, чтобы сделка состоялась. Однако Владимир был удивлен, когда незнакомка наградила его уничтожающим взглядом. При виде ее лица его удивление еще больше возросло. Она совсем не во вкусе князя! О чем думал хозяин, когда потребовал доставить к нему в постель этого маленького королька[5 - Птица из отряда воробьиных.]?

Кэтрин действительно была раздражена тем, что ее снова посмели побеспокоить, и на этот раз речь, очевидно, идет о работе. Вероятно, в доме, где не хватает слуг, предстоит какое-то важное событие. Но нанимать прислугу

прямо на улице?!

Кэтрин в жизни не слышала ни о чем подобном. Но этот чудака явно иностранец, так что приходится делать некоторую скидку на незнание английских обычаев. Кроме того, Кэтрин не расправилась с ним, как с тем другим негодяем, приставшим к ней посреди улицы, поскольку поняла свою ошибку, – раз ты одета как служанка, значит, нужно и вести себя соответственно. И своим опрометчивым нападением на него едва не стала причиной уличных беспорядков. Не хватало устроить сцену, чтобы к тому же ее узнал кто-нибудь из знакомых! Можно представить, какую пищу для сплетен дало бы ее неподобающее поведение!

Единственное, чего не могла допустить Кэтрин, – это скандала, связанного с ее именем. Она всегда гордилась тем, что стоит вне всяких упреков и подозрений. Но в таком случае что же она делает здесь? Остается винить мерзкую головную боль, совершенно лишившую ее способности мыслить здраво. Если бы рассудок вновь вернулся к ней, а голова с самого начала была ясной, Кэтрин наверняка придумала бы план получше, чем разыгрывать горничную.

Мужчина ждал ее ответа. Должно быть, он служил дворецким в богатом доме, потому что его сюртук и брюки были из дорогой материи и прекрасно сшиты. Незнакомец был высок, средних лет, с каштановыми волосами и довольно приятным лицом, на котором выделялись светло-голубые глаза. Что ответила бы ему Люси? Должно быть, пококотничала бы немного, чтобы сделать свой отказ более приемлемым. Но Кэтрин почему-то не могла заставить себя сделать это.

Не упуская из виду Элизабет, которая только что перешла улицу и остановилась в ожидании, она сухо ответила:

– Мне очень жаль, сэр, но лишняя работа мне ни к чему.

– Если дело в деньгах, могу заверить, князь чрезвычайно щедр и великодушен.

– Деньги мне не нужны.

Владимира охватило беспокойство. На нее не произвел ни малейшего впечатления княжеский титул. Мало того, девушка, казалось, совершенно не сознавала, какая честь ей оказана. Неужели она действительно отказалась...

нет, это невозможно!

– Десять фунтов, – предложил он, но если и подумал, что на этом торг закончен, то жестоко ошибся.

Кэтрин недоуменно воззрилась на Владимира, не веря собственным ушам. Только безумец может предложить подобную сумму! Или он просто не представляет, сколько здесь платят слугам?! Единственным разумным предположением могло послужить то, что он полностью отчаялся выполнить приказ хозяина.

Но девушка тут же с неприятным чувством поняла, что, наверное, ни одна горничная в Англии не способна отказаться от возможности получить такие деньги всего за одну ночь работы. Однако она не могла заставить себя согласиться. Он, без сомнения, посчитает, что это она сошла с ума!

– Сожалею...

– Двадцать фунтов.

– Просто немыслимо! – взорвалась Кэтрин, настороженно оглядывая незнакомца. Нет, это он спятил! – Вы можете нанять целый легион горничных за половину той цены, что предложили сейчас! Ну а теперь, извините, мне пора.

Она отвернулась, моля Господа о том, чтобы он убрался. Владимир вздохнул. Подумать только, вся эта смехотворная торговля оказалась ни к чему. Горничная?! Да она просто ничего не поняла!

– Мисс, простите меня за то, что не выразился яснее с самого начала. Моему хозяину не нужны услуги горничной. Он видел вас и желает провести вечер в вашем обществе. Поверьте, вы будете щедро вознаграждены. Если необходимо объяснить подробнее...

– Нет!

Кэтрин вновь повернулась к нему, чувствуя, как пламенеют щеки.

– Я... теперь я понимаю.

Боже, как могла она поставить себя в такое ужасное положение?! Первым порывом Кэтрин было размахнуться и дать ему по физиономии. Такого оскорбления ей еще никто не наносил! Но Люси нисколько не обиделась бы. Наоборот, была бы на седьмом небе.

– Я, конечно, польщена, но не могу...

– Тридцать фунтов.

– Нет! – отрезала Кэтрин. – Ни за какие деньги. Ну а теперь прошу вас уйти...

Но тут ее внезапно перебил чей-то мужской голос:

– Вот и я, мистер! Сейчас поедете?

Оглянувшись, Владимир увидел всего в нескольких шагах нанятый им экипаж.

– Прекрасно. Провезешь нас вокруг квартала. Я скажу тебе, где остановиться.

И, зажав рот женщины, потащил ее к экипажу.

– Сбежавшая служанка, – пояснил он раскрывшему рот кучеру.

– Сбежала? Но послушайте, мистер, если она не желает работать на вас, это ее дело, верно ведь? Как ее заставишь...

Но несколько фунтовых банкнот, сунутых в карман словоохотливого кокни[6 - Кокни – уроженец одного из беднейших районов Лондона, Ист-Энда.], заставили его немедленно запеть другую песенку:

– Как вам будет угодно...

Вопль Кэтрин резко оборвался. Неужели ни один человек, кроме кучера, не видел похищения? Но позвать на помощь некого – незнакомец с такой

молниеносной быстротой втолкнул ее в карету, что вряд ли кто-то заметил происходящее.

Он немедленно швырнул Кэтрин на сиденье вниз лицом, и как только лошади тронули, стащил с нее шляпку, обвязал платком рот и уперся в поясницу острым локтем, не давая встать. Вскоре это ему, по-видимому, надоело, и похититель просто завел ей руки за спину и прижал коленом ее ноги к жестким подушкам. Незнакомец был достаточно силен, чтобы сжимать ее запястья одной рукой, которую он через несколько минут сменил, и Кэтрин поняла почему, когда несколько минут спустя он набросил на нее сюртук. Правда, в карете было темно, но, когда она останавливалась, всякий мог заглянуть в окно и увидеть, что происходит внутри.

Как оказалась права Кэтрин! Этот человек действительно сумасшедший! Подобные вещи просто не могут происходить с благородной леди вроде Кэтрин Сент-Джон. Но когда Кэтрин объяснит, кто она такая на самом деле, он, вне всякого сомнения, будет вынужден отпустить ее.

Похититель нагнулся над Кэтрин и тихо объяснил:

– Прости, маленький королек, но ты не оставила мне другого выхода. Приказам князя нужно подчиняться. Он и представить не мог, что ты ему откажешь. Ни одна женщина не отвергала его раньше. Самые прекрасные дамы России сражаются за честь оказаться в его постели. Ты увидишь почему, когда он придет к тебе. Другого такого человека, как князь Дмитрий, на свете нет!

Кэтрин была бы рада объяснить ему, что он может сделать с этой своей честью. На свете нет другого такого?! Да ей совершенно все равно, пусть хоть этот князь окажется красивее всех на земле! Он ей не нужен! Послушать этого негодяя, так она должна быть еще и благодарна за похищение! Какая наглость!

Экипаж остановился. Необходимо как можно скорее постараться вырваться из рук этого безумца. Но он не дал ей ни малейшего шанса на избавление. Она не могла освободить ни рук, ни ног. Незнакомец поднял ее, вытащил из кареты и куда-то понес, крепко прижимая к груди. Кэтрин ничего не могла увидеть, поскольку сюртук закрывал также и ее лицо.

Однако она неожиданно почувствовала вкусные запахи. Кухня? Видимо, он вносит ее в дом через черный ход!

В душе Кэтрин забрезжила надежда. Значит, похититель не хочет, чтобы хозяин узнал о том, что он натворил. Кроме того, он сказал, что этот самый Дмитрий не ожидал отказа. Истинный аристократ никогда не унижится до подобного поступка, даже чтобы заполучить понравившуюся ему женщину. Значит, Кэтрин не придется унижаться перед слугой, объяснять, кто она на самом деле. Достаточно поговорить с князем и сказать, что такого рода предложения ее не интересуют. Несомненно, он немедленно отпустит Кэтрин.

Колени похитителя коснулись ее спины раз, потом другой. Он, очевидно, поднимался по лестнице. Где же все-таки она оказалась? Карета ехала совсем недолго. Боже, неужели она находится где-то на Кавендиш-сквер, неподалеку от особняка Сент-Джонов? Какая ирония!

Однако Кэтрин не знала ни одного князя, живущего поблизости. Да существует ли он на самом деле? Может, этот негодяй просто похищает молодых девушек для собственных забав, рассказывая им дурацкие сказки, чтобы облегчить себе задачу?!

Похититель снова заговорил, на этот раз на непонятном наречии, а ведь Кэтрин знала почти все европейские языки! Женщина ответила на том же странном... Русский! Он упомянул Россию! Да ведь это северные варвары! Ну конечно, в их стране полно князей! Там этот титул не так уж редок!

Дверь открылась. Еще несколько шагов, и Кэтрин осторожно поставили на ноги. Она немедленно сорвала с головы платок. Первым порывом было обрушиться на незнакомца, который по-прежнему оставался на месте, глядя на нее с нескрываемым любопытством. Кэтрин потребовалась вся ее немалая сила воли, чтобы сдержаться.

– Возьми себя в руки, Кэтрин, – пробормотала она вслух. – Он всего-навсего дикарь, с дикарским мышлением. И вероятно, даже не сознает, что совершил преступление.

– Мы не дикари, – ответил он по-французски.

- Значит, вы говорите по-английски?! – негодуяще воскликнула она.

- Всего несколько слов. Но я понял, что вы считаете меня дикарем. Меня и раньше так называли англичане. Что еще вы сказали?

- Не важно. Я говорила с собой, не с вами. Такая уж у меня причуда.

- С распущенными волосами вы гораздо красивее. Князь будет доволен.

Так вот почему он на нее уставился! Строгий пучок рассыпался, когда он затыкал ей рот, однако не все шпильки еще выпали, и теперь лицо Кэтрин обрамляли очаровательные локоны.

- Лестью вы ничего не добьетесь, сэр.

- Прошу прощения, – почтительно поклонился он, но тут же, поймав себя на этом, раздраженно нахмурился. Для служанки эта особа слишком нос задирает! Но ведь она англичанка, они здесь все такие!

- Меня зовут Владимир Киров. Я говорю вам это, потому что мы должны побеседовать...

- Нет, мне больше нечего вам сказать, мистер Киров. Будьте добры сообщить вашему хозяину, что я здесь и собираюсь объясняться только с ним.

- Но он прибудет только к вечеру.

- Пошлите за ним!

Она была потрясена, заметив, что почти кричит, однако Владимир лишь молча покачал головой.

- Я, кажется, сейчас начну вопить во все горло, мистер Киров! – предупредила она тоном, который, учитывая обстоятельства, посчитала вполне рассудительным. – Вы оскорбили меня, унизили, однако, как видите, я все еще сохраняю спокойствие. Я не какая-нибудь жеманная дурочка, чтобы при малейшей опасности падать в обморок! Но поверьте, и моему терпению

приходит конец! Я не продаюсь ни за какие деньги! И даже все королевские сокровища меня не соблазнят! Поэтому лучше вам отпустить меня прямо сейчас!

– Вы слишком упрямы, но это ничего не изменит. И останетесь... Нет!

Кэтрин открыла было рот, но Владимир повелительно поднял руку.

– Не советую кричать. За этой дверью два стражника, которые немедленно ворвутся сюда, чтобы успокоить вас, и поверьте, вам это крайне не понравится. Даю вам несколько часов, чтобы изменить решение.

Кэтрин ни на минуту не поверила похитителю... пока тот, уходя, не открыл дверь. Тут она увидела двух гигантов со злобными лицами и грозными усами, в одинаковых ливреях: длинные рубахи, широкие шаровары, заправленные в высокие сапоги, изогнутые сабли, свисавшие с поясов. Невероятно! Неужели все здешние обитатели стали соучастниками преступления? Очевидно. Ее единственной надеждой оставался князь.

Глава 5

– Что мне делать, Маруся? – спросил жену Владимир. – Он хочет ее, а она отказывается лечь к нему в постель. Никогда еще такого не бывало!

– Тогда найди ему другую, – небрежно бросила она, очевидно, считая, что муж тревожится из-за пустяков. – Сам ведь знаешь, что будет, если он сегодня останется без женщины, – всю обратную дорогу от него житья не будет! Если хотя бы бабка не пожурила его за то, что гоняется за каждой юбкой, все было бы еще не так плохо. Но она запретила господину и близко подходить к своим горничным, а тот из почтения к ней подчинился. Подумай только, с тех пор, как мы гостили у нее, он ни разу ни с кем не спал, а такое для князя просто невыносимо! Он должен взять женщину, и сегодня же, перед отплытием, иначе нам всем придется плохо, гораздо хуже, чем по пути сюда, когда эта глупышка графиня неожиданно передумала и отказалась с ним ехать.

Владимир и без жены знал все это. Дело не только в том, что он никогда раньше не подводил князя, – важнее всего добиться, чтобы тот был всем доволен, иначе им придется несколько недель терпеть его бешеный гнев. Правда, князь по необходимости мог сохранять целомудрие довольно долгое время. По необходимости. Но сегодня, как раз когда Дмитрий Петрович приказал доставить именно эту пташку... не дай Бог, чтобы он не получил того, что пожелал, потому что, если князь рассердится, тогда горе всем!

Владимир налил себе очередной стаканчик водки и проглотил залпом жгучую жидкость. Маруся продолжала начинять гуся кашей к ужину. Она явно считала, что беспокоиться не о чем. Правда, муж сказал ей только, что женщина, которую он доставил для князя, строптива и несговорчива.

– Маруся, объясни, почему женщина – нет, не благородная дама, а служанка, горничная – почему она не радуется, что князь обратил на нее внимание?

– Она должна считать это великой честью, даже если и не хочет спать с ним! Покажи ей его портрет. Тогда она наверняка передумает.

– Да... только на этот раз, я думаю, это не поможет. Она вовсе не обрадовалась, Маруся! Она оскорбилась! Я видел это по ее лицу! Не понимаю! Ни одна женщина не отказывала ему раньше! Сколько их перебывало – девственницы, чужие жены, принцессы, графини, даже королева...

– Какая королева? Ты мне ничего не рассказывал!

– Не важно! – резко бросил Владимир. – Это не для сплетниц, а ты, дорогая жена, любишь языком помолоть!

– Ну что же, каждому мужчине невредно получить отказ хотя бы однажды. Ему это на пользу пойдет.

– Маруся!

Женщина довольно рассмеялась:

– Я шучу, муженек. Каждому, кроме нашего князя, конечно. Ну же, перестань тревожиться! Сказано тебе, пойд и найди другую женщину!

Владимир угрюмо поглядел в пустой стакан и снова наполнил его.

– Не могу. Князь не сказал: «Я хочу сегодня женщину. Найди!» Он показал именно на эту птичку и велел привести только ее. Знаешь, Маруся, она даже не красавица... разве только глаза... Да я мог бы отыскать господину дюжину женщин по его вкусу, но он желает именно эту. Значит, должен ее получить.

– Наверное, она влюблена, – догадалась Маруся. – Есть только одна причина, почему простая девушка отказывается от такой чести. Ни одна русская крестьянка...

– Это Англия, – перебил муж. – Они совсем не такие, как мы.

– Но мы уже бывали здесь, Владимир. И у тебя никогда не случалось таких забот раньше. Говорю же тебе, она в кого-то влюблена. Но есть зелья, которые могут заставить ее забыть обо всем, замутить разум, сделать поговорчивее...

– Но господин подумает, что она пьяна, – хмуро ответил Владимир. – А такое ему не понравится.

– Но он по крайней мере возьмет ее.

– А если зелье не поможет? Если она все-таки начнет противиться?

Маруся покачала головой:

– Нет, так не пойдет. Он сильно разгневается! Дмитрий Петрович не привык насильничать над женщинами, да и зачем? Они сами у него на шее виснут. Он может иметь любую!

– А хочет ту, которую не может получить.

Маруся с возмущением взглянула на мужа:

– Вижу, не будет мне от тебя покоя! Хочешь, чтобы я поговорила с девчонкой, попробовала узнать, что ей нужно?

– Да уж неплохо бы, – согласился готовый на все Владимир.

Маруся, кивнув, приказала:

– Ну а пока отправляйся к Булавину. Вдруг он не врал, когда хвастался на прошлой неделе, что знает способ, как заставить женщину, причем любую, валяться у него в ногах и на все соглашаться. Может, и правда выпросил зелье у какой колдуньи!

– Глупости! – фыркнул Владимир.

– Кто знает, – улыбнулась Маруся. – Казаки всегда жили рядом с турками, а турки знают, как усмирить рабынь, особенно пленниц!

Владимир попросту отмахнулся от жены, презрительно хмыкнув, однако про себя решил послушать ее совета и поговорить с Булавиным. Чем черт не шутит, что, если она права!

Кэтрин не могла усидеть на месте. Она металась по комнате, злобно поглядывая на огромный гардероб, придвинутый стражниками к единственному окну. Даже если он пуст, у нее все равно нет сил сдвинуть это чудовище. Она уже безуспешно пыталась сделать это.

Ее заперли в большой спальне, где явно никто не жил. Даже в массивном бюро ничего не было. Розовые с зеленым обои – королеве нравилось такое сочетание – красовались на стенах. Вся мебель была работы Хоупа – довольно неуклюжее подражание греко-египетскому стилю в отделке. Дорогое покрывало зеленого атласа на постели. Да... здесь, несомненно, живут богатые люди. Кавендиш-сквер, в этом Кэтрин была уверена. Если бы только удалось вырваться из этой комнаты, она уже через несколько минут могла бы добраться домой... но что ей это даст? Элизабет наверняка уже успела встретиться с Уильямом. Прежде чем Кэтрин окажется дома, сестра станет замужней женщиной!

Этот глупый маскарад, это омерзительное приключение – и все зря! Элизабет вышла замуж за негодяя, авантюриста, охотника за приданым! Одно это переполняло Кэтрин бешенством и гневом на русских дикарей. Подумать только, какой-то болван, варвар, идиот посмел притащить ее сюда, и из-за него жизнь Бет навеки погублена! Нет... дело не в нем. Он только выполнял приказ. Всею виной князь! Кем это он, спрашивается, себя вообразил, послав за ней слугу?! Что за наглость!

– Ну, он еще свое получит! – поклялась про себя Кэтрин. – Его следует засадить в тюрьму! К счастью, я знаю его имя. Дмитрий Александров... или наоборот? Не важно. Не так уж много русских князей сейчас находится в Лондоне. Его будет нетрудно найти.

Несколько минут мысль о мести согревала душу Кэтрин, но, к сожалению, отправить злодея в темницу невозможно. Разразится ужасный скандал. Не хватало еще, чтобы имя Сент-Джонов было вываляно в грязи!

– Но если Бет не будет дома к тому времени, как я вернусь, видит Бог, я это сделаю!

Оставалась лишь слабая надежда, что Бет всего-навсего отправилась на свидание к Уильяму, чтобы поговорить, решить, что делать. Приходилось цепляться за эту надежду, как за соломинку. В этом случае ничего не потеряно, и остается лишь пережить сегодняшнее неприятное происшествие, которое лучше всего будет выбросить из головы.

– Я принесла вам обед, мисс, и еще одну лампу. В комнате слишком темно, когда окно загорожено. Вы ведь знаете французский? Я тоже, потому что в России многие господа даже не говорят по-русски!

Ни на минуту не прекращая болтать, женщина поставила на низкий круглый столик тяжелый поднос. Она была на пол-головы выше Кэтрин, средних лет, с каштановыми волосами, затянутыми в тугий пучок, и добрыми голубыми глазами. Она вошла не постучав, по-видимому, один из стражников открыл и закрыл за ней дверь.

Женщина поправила розу, выпавшую из узкой вазы, и поставила уже зажженную лампу на мраморную каминную доску. Мягкий свет разлился по комнате. Потом

незнакомка подошла к столику и начала поднимать крышки блюд.

– Катусшки, – пояснила она, показав на рыбные тефтели в соусе из белого вина. – Я кухарка и знаю, что вам они понравятся. Меня зовут Маруся.

Кэтрин с удивлением отметила, что женщина довольно худощава и совсем не похожа на кухарку. Однако ароматы были настолько соблазнительными, что девушка невольно посмотрела на поднос и увидела несколько ломтиков ржаного хлеба, салат из цикория и фруктов, кусочек торта и бутылку вина. Кэтрин мгновенно вспомнила, что даже не завтракала сегодня. Жаль, что она слишком упряма, чтобы согласиться попробовать хотя бы кусочек.

– Спасибо, Маруся, но можете унести все это. Я ничего не приму в этом доме, ни одной крошки.

– Но так не годится! Вы и без того слишком маленькая! – охнула Маруся.

– Я маленькая... просто потому, что маленькая, – сухо бросила Кэтрин. – И это не имеет ничего общего с едой!

– Но князь... он настоящий великан! Посмотрите!

Она почти насильно сунула Кэтрин под нос небольшой портрет, так что та невольно опустила глаза. Мужчина, изображенный на миниатюре, был... нет, невозможно. Никто на свете не может иметь подобную внешность!

Кэтрин резко оттолкнула руку женщины.

– Очень мило! Подобная маленькая хитрость должна, по-вашему, помочь заставить меня изменить решение? Даже если это действительно князь Александров, я все равно откажусь!

– Вы замужем?

– Нет.

– Имеете любовника, которым очень увлечены?

– Любовь – это забава идиотов. Я не идиотка.

Маруся нахмурилась:

– Тогда, если можно, объясните мне, почему вы не соглашаетесь. Это и вправду мой господин. Зачем мне лгать, когда вы все равно увидите его сегодня? Такой красивый мужчина! Да перед ним ни одна не устоит. И так добр с женщинами...

– Довольно! – рявкнула Кэтрин, потеряв терпение. – Господи, просто невероятно! Сначала это чудовище, похитившее меня, а теперь еще и вы! Неужели не понимаете, как это отвратительно – сводничать? Уговаривать меня продаться какому-то князю, словно уличную девку! Ну так вот, никаких денег не хватит, чтобы меня купить!

– Если не хотите брать деньги, почему бы вам не посчитать это просто приятным времяпрепровождением? Поверьте, князь умеет ухаживать за женщинами! Просто у него нет времени сегодня – завтра мы отплываем домой, в Россию, и он отправился на пристань, убедиться, все ли в порядке.

– Рада слышать, что вас здесь не будет, – сухо процедила Кэтрин. – Но так или иначе, я все равно не желаю видеть ни князя, ни его слуг.

Владимир был прав. Девчонка не просто упряма, но к тому же зла и высокомерна! Мать Божья, ведет себя, как принцесса, хотя глупа при этом, как последняя крестьянка! Ни одна женщина в здравом уме не может отказаться от ночи с князем Александровым! По правде говоря, есть и такие, которые сами готовы заплатить за эту честь!

– Но вы так и не объяснили, почему противитесь, – настаивала Маруся.

– Вы просто совершили ошибку, вот и все. Я не из тех, кто способен лечь в постель с совершенно незнакомым мужчиной. Благодарю, такое мне и во сне не снилось.

Что-то пробормотав по-русски, Маруся покачала голо вой и поспешно вышла. В холле ее уже ожидал муж. Жаль, что приходится разочаровывать его, но другого выхода нет.

– Ничего не вышло, Владимир. Либо она боится мужчин, либо терпеть их не может. Но могу поклясться, она не передумает. Лучше тебе пойти и попросить у князя разрешения найти ему другую женщину.

– Нет, он никогда не согласится, – вздохнул Владимир, вручая жене маленький мешочек, перетянутый веревкой. – Подмешай это к еде, когда понесешь ей ужин.

– Что это?

– Колдовское снадобье Булавина. Если верить его словам, князь будет весьма доволен.

Глава 6

Ванну внесли к концу дня... или уже наступил вечер? В комнате не было часов. Кэтрин всегда носила в кармане маленькие часики, но они остались в платье, которое она так небрежно бросила горничной сегодня утром.

Кэтрин настороженно наблюдала, как трое слуг внесли фарфоровую ванну, наполнили ее дымящейся водой, подлили ароматного масла из маленького пузырька, так что комната сразу наполнилась запахом роз. Никто не спросил у Кэтрин, хочет ли она принять ванну. Конечно, она и не подумает раздеться! Да в этом доме она и пуговицы не расстегнет!

Но в спальню вошел Владимир Киров, попробовал, достаточно ли горяча вода, и улыбнулся. Кэтрин постаралась не обращать на него внимания, просто сидела в кресле, прямая, как доска, рассерженно постукивая пальцами по подлокотникам.

Владимир решительно подошел к ней и не допускающим возражений голосом приказал:

– Вы сейчас же искупаетесь!

Кэтрин медленно подняла на него глаза, снисходительно оглядела с ног до головы и снова отвернулась.

– Вам следовало бы спросить меня, прежде чем тратить столько времени и труда. Я не принимаю ванн в чужих домах.

С Владимира было довольно этого нестерпимого высокомерия.

– Это не просьба, девушка, а приказ. Либо вы выполните его, либо мужчины, те, что стерегут дверь, вам помогут. Думаю, им весьма понравится это, хотя вам вряд ли доставит удовольствие.

Он с радостью увидел, как быстро удалось привлечь ее внимание. Огромные глаза неправдоподобно расширились, гневно блеснули. Они были ее единственной по-настоящему привлекательной чертой. Большие, необычного цвета, они так и сияли с маленького овального личика, придавая ей странно невинный вид. Может, именно это привлекло в ней князя? Но нет, вряд ли он мог заметить ее глаза на таком расстоянии.

Но прежде всего нужно избавиться от ее уродливого платья. Черный цвет не шел ей, лишал всех красок, так что лицо казалось болезненно-бледным. Конечно, в этот момент ее щеки порозовели от гнева, но румянец скоро исчезнет. У нее хорошая кожа – гладкая, почти прозрачная, но немного румян не помешает. Он бы приказал их принести, если бы не был уверен, что девушка станет сопротивляться и придется удерживать ее силой. Не дай Бог, князь увидит синяки!

Нет, придется довольствоваться тусклым освещением и светло-зелеными простынями на постели. Владимир удовлетворенно вздохнул. Наконец-то все в порядке! Женщина, благоухающая розовым маслом, одурманенная зельем и чувствующая себя беспомощной и бессильной без одежды, наверняка не подумает спорить с князем или жаловаться.

– Лучше искупаться сейчас, пока вода горячая, – посоветовал Владимир. – Я pošлю горничную помочь вам. А потом сможете поужинать, и на этот раз будете есть или вам помогут. Поверьте, в наши намерения не входит морить вас голодом.

- И сколько времени я здесь пробуду? - осведомилась Кэтрин.

- Когда князь покинет эту комнату, я отвезу вас куда пожелаете. Думаю, он вряд ли захочет побыть в вашем обществе больше нескольких часов.

Ну уж нет! Ей и нескольких минут будет достаточно, чтобы поставить на место этого распутника, разъяренно подумала Кэтрин. И тогда она будет свободна!

- Когда он придет?

- Когда решит, что пора ложиться в постель, - пожал плечами Владимир.

Кэтрин опустила глаза. На щеках вновь расцвели два ярких пятна. Сегодня она наслушалась непристойностей больше, чем за всю жизнь. Просто не верится, что люди могут говорить о столь интимных вещах так спокойно, ничуть не смущаясь! Должно быть, слугам князя часто приходится наблюдать подобные сцены, потому что у них совершенно нет стыда! Можно подумать, они не видят ничего особенного в том, чтобы похищать невинных женщин и притаскивать их в дом на утеху хозяину!

- Надеюсь, вы сознаете, что совершаете преступление? - спокойно поинтересовалась она.

- Не так уж оно велико, и к тому же вас щедро вознаградят за беспокойство.

Кэтрин была слишком потрясена, чтобы ответить, а Владимир исчез, прежде чем она успела взорваться. Они ставят себя выше закона! Нет, скорее всего нет. Просто считают, что она принадлежит к самым низам, а законы пишутся только для богатых и знатных, как здесь, так, без сомнения, и в России. И действительно, стоит ли обращать внимание на какую-то служанку? Что она может поделать против могущественного князя? Но ведь Кэтрин не раскрыла им глаза на ошибку! Не сказала, кто она такая и что похищение дочери графа им с рук не сойдет!

Наверное, с самого начала стоило во всем признаться. Но так неловко рассказывать о собственной глупости! И вряд ли стоит раскрывать свое имя, достаточно высказать Александрову нелицеприятное мнение о нем и его слугах.

Вскоре появилась молодая горничная, чтобы помочь Кэтрин раздеться. Она не хотела никакой помощи, но девушка, очевидно, говорила только по-русски, поскольку проигнорировала все протесты Кэтрин и, о чем-то непрерывно болтая, складывала каждый предмет туалета, который та отбрасывала, спеша поскорее покончить с испытанием. И как только Кэтрин ступила в ванну, горничная поспешно удалилась, унося с собой всю ее одежду, включая туфли.

Гром и молния! Они успели подумать обо всем! А в комнате ничего не было, кроме постельного белья. Даже прикрыться нечем!

Это оказалось последней каплей. Кэтрин пыталась сохранить спокойствие. Пыталась, как могла, не обращать внимания на бесконечные оскорбления и считать все случившееся глупой ошибкой. Она даже собиралась быть вежливой с князем, когда станет объяснять досадное недоразумение самовольством слуг. Но не сейчас. Помоги ему Бог, она не собирается ничего спускать! Им всем это даром не пройдет!

Кэтрин яростно намыливалась, пока не порозовела кожа. Больше она ни на ком не могла сорвать злость. Но прежде чем она успела выйти из ванны, дверь открылась и на пороге появилась Маруся с подносом.

– Немедленно принесите одежду! – потребовала Кэтрин.

– Все в свое время, – невозмутимо ответила женщина.

– Сейчас и немедленно!

– Не стоит так кричать, малышка. Стражникам приказано...

– Черт с ними и с вами тоже! О, не важно, обойдусь!

Кэтрин решительно протопала к кровати, обвязалась полотенцем и стащила покрывало, пока эти негодяи не успели вынести из комнаты все белье. Покрывало оказалось слишком тяжелым, поэтому Кэтрин стащила простыню и, накинув ее на плечи, завязала под подбородком наподобие плаща. Зеленый атлас быстро впитал капельки воды, оставшиеся на коже.

Маруся от удивления потеряла дар речи. Подумать только, как много ярости в этом маленьком существе! Глаза гневно сверкали, на щеках расцвел румянец, а тело... Неужели под уродливым черным одеянием скрывалось такое совершенство? Да, князь, без всякого сомнения, будет доволен!

– Поешьте, прошу вас, и, может быть, успеете поспать немного, прежде чем...

– Ни слова больше! – резко оборвала Кэтрин. – Оставьте меня! Я не буду говорить ни с кем, кроме вашего хозяина.

У Маруси оказалось достаточно ума, чтобы не возражать и поспешно уйти. Оставалось лишь ждать и надеяться, что в словах Булавина было хотя бы немного правды.

Представив, как эти здоровенные мужланы будут удерживать ее за руки и силком запихивать еду в рот, Кэтрин невольно сделала шаг к столу. И то обстоятельство, что последние три часа ее мучил голод, не имело ничего общего с ее решением все-таки поужинать. Но еда оказалась великолепной – цыпленок в сливочном соусе, вареные картофель и морковь, маленькие медовые пирожные. Белое вино тоже оказалось превосходным, но Кэтрин слишком хотела пить, чтобы оценить его по достоинству. За весь день у нее росинки маковой во рту не было, и поэтому она поспешно осушила два стакана, прежде чем горничная принесла еще один поднос с холодной водой. Слишком поздно! Она уже успела утолить жажду, как, впрочем, и первый голод. На подносе, кроме кувшина с водой, оказались графин с бренди и два бокала. Горничная поставила его на ночной столик и удалилась.

Значит, настало время, когда его светлость князь Александров соизволит наконец известить о своем появлении? Прекрасно, пусть приходит, да поскорее, пока Кэтрин все еще вне себя от ярости и готова разорвать его!

Однако никто не приходил, и минута за минутой продолжали тянуться уныло и бесконечно.

Кэтрин отставила тарелку и снова начала мерить шагами пол, но не успела несколько раз обойти комнату, ожидая каждое мгновение, что дверь откроется, как почувствовала, что кожу начало покалывать в тех местах, где к ней прикасалась простыня. Нервы! Просто представить невыносимо! Она, которая

всегда была невозмутима, как скала, теперь трусит и нервничает!

Кэтрин подошла к ночному столику и налила себе бренди. Это поможет подкрепить силы. Не подумав о последствиях, она одним глотком осушила бокал. Жаль, конечно, но времени совсем нет. Князь может вот-вот явиться, а ей нужно расслабиться, взять себя в руки.

Кэтрин села, вынуждая себя успокоиться. Но ничего не помогало. Теперь уже все тело горело, и жар с каждым мгновением усиливался.

Кэтрин вскочила, налила себе еще бренди и на этот раз стала пить уже маленькими глоточками. Не хватало еще опьянеть, и все из-за расстроенных нервов! Она снова заходила по комнате, но теперь малейшее прикосновение атласа к коже становилось совершенно невыносимым. Первым порывом Кэтрин было сбросить простыню, но она, конечно, никак не могла сделать это. Нельзя же разгуливать по комнате голой! Слава Богу, она еще не забыла о скромности.

Кэтрин замерла посередине комнаты, боясь шелохнуться. Но и это не помогло. Казалось, каждая частичка тела наполнилась энергией, побуждающей ее двигаться. Стоять на месте было невозможно.

Она начала поводить плечами, потягиваться, нервно перебирать простыню. Никогда в жизни не чувствовала Кэтрин такой нетерпеливой потребности что-то делать. И тут случилось нечто еще более странное. Кэтрин могла бы поклясться, что ощущает, как кровь бежит по жилам все быстрее и быстрее. Нет, это просто невозможно... и, однако, происходит именно с ней. Как странно и неприятно!

Дверь наконец открылась, но вошла всего лишь молодая горничная и, захватив поднос с остатками еды, удалилась. Говорить с ней не было смысла – девушка понимала только по-русски, и поэтому Кэтрин решила выпить еще бренди, но тут же упрямо покачала головой. Нет, она и так уже немного пьяна, а ведь ей сейчас нужно быть собранной, и голова должна оставаться ясной.

Кэтрин села на постель, но тут же услышала собственный стон. Глаза ее широко раскрылись. Да что это с ней творится? Должно быть, во всем виновата проклятая простыня. Нужно избавиться от нее, хотя бы на несколько мгновений.

Кэтрин развязала простыню и, вздрогнув, почувствовала, как она сползла вниз и зеленым озерцом легла у ног. Девушка инстинктивно скрестила руки на груди, но тут же словно молния пронзила ее с головы до ног. Кэтрин охнула. Почему ее груди внезапно стали такими чувствительными? Но ощущение было приятным. Такого раньше она никогда не испытывала.

Оглядев себя, Кэтрин была поражена, заметив, как разгорелась кожа. А соски превратились в твердые крохотные пуговицы, и это странное покалывание... покалывание во всем теле...

Кэтрин провела ладонью по руке и снова застонала. Нет, что-то, несомненно, неладно. Она вся была словно открытая рана... нет, не рана... Кэтрин не знала, как описать все, что с ней происходит, но волны жара прокатывались по ней, загораясь в лоне нестерпимым пламенем.

Кэтрин, сама того не сознавая, откинулась на постель, беспокойно извиваясь. Она заболела! Конечно же! Еда!

И она с ужасом осознала, ясно, бесповоротно, что ей скорее всего подсыпали что-то в пищу.

– Господи, что они сделали со мной?

Но им совершенно ни к чему желать ее смерти. Вряд ли Кэтрин отравили, видимо, ей плохо от того снадобья, что они подсыпали. Просто смешно – уж они, конечно, совсем не ожидали, что ее будет сжигать лихорадка. Но отчего она вся горит и не находит себе места до такой степени, что не может управлять даже движениями собственного тела?!

Кэтрин свернулась клубочком на постели, охваченная страхом и отчаянием. Простыня немного охладила разгоряченную кожу. Кэтрин перевернулась на живот и на несколько благословенных мгновений почувствовала некоторое облегчение. Приятная усталость охватила ее, усталость и надежда, что все кончилось. Напрасно! Кэтрин почувствовала, как огненные волны снова захлестывают ее со все большей силой, и эта непрерывная пульсация в лоне, почти боль. О Боже!

Кэтрин снова перевернулась на спину, вцепившись руками в перину, откинув голову, тяжело дыша. Она совершенно не могла совладать с собой: тело выгибалось, извивалось, металось, и она даже не понимала, что делает, не имела представления о том, сколько времени прошло. Ее нагота, положение, в котором она очутилась, – все было забыто в пожирающей тело лихорадке.

Двадцать минут спустя, когда князь Александров вошел в комнату, Кэтрин, окончательно потеряв голову, не могла думать ни о чем, кроме палящего жара, охватившего ее. Она даже не слышала, как открылась дверь, не сознавала, что он встал над ней, зачарованно следя за каждым ее движением темными бархатистыми глазами.

Дмитрий застыл, захваченный сладострастным зрелищем. Она билась, выгибалась дугой, терлась о покрывало, словно в истоме, в мучительной агонии страсти. Самые чувственные женщины в его постели именно так отвечали на его ласки. Он ощущал их движения под собой, они доставляли ему удовольствие, однако никогда не видел ничего подобного со стороны. Сцена была настолько эротичной, что Дмитрий почувствовал, как напряглась и поднялась его мужская плоть под свободным халатом – единственной одеждой, которая на нем была.

Странно, что эта маленькая английская роза делала с собой в одиночестве, чем довела себя до такого состояния? Какой приятный сюрприз! А он еще весь вечер жалел о том, что так опрометчиво послал за ней Владимира! В конце концов, если признаться честно, в ней не было ничего такого, что могло бы возбудить в нем страсть. Во всяком случае, он думал так... до этого момента.

Когда Кэтрин наконец поняла, что в комнате кто-то есть, Дмитрий уже стоял у изножья постели, небрежно прислонившись к кроватному столбику.

Этот портрет... Оживший Адонис... Невозможно. Он не может быть настоящим – она просто бредит. Но нет, вот он стоит, во плоти и крови.

– Помогите! Мне... мне нужен... – Горло Кэтрин пересохло до такой степени, что она едва ворочала языком. Она медленно провела по губам языком. – Доктора...

Полуулыбка Дмитрия мгновенно исчезла. Нахмурившись, он заглянул в глаза женщины. Еще один сюрприз. Такого необычного цвета и горят страстью. Он был совершенно уверен, что она скажет, как сильно желает его. Но доктор!

– Вы больны?

– Да, жар... мне очень плохо.

Дмитрий помрачнел еще больше. Плохо? Проклятие! И это после того, как девчонка заставила его пылать безумной страстью.

Безрассудный гнев охватил Дмитрия. Он шагнул к двери. Владимир заплатит за это! Но ее голос остановил его.

– Пожалуйста... воды.

Жалобная мольба пробудила в нем сострадание. В другое время Дмитрий предоставил бы девушку заботе слуг. Но он был здесь, и подать ей воды не так уж трудно. Она не виновата, что заболела. Владимир должен был обо всем рассказать, прежде чем Дмитрий отправился в ее комнату. Следует немедленно послать за доктором.

Он совсем не подумал, что может заразиться и что из-за этого придется отложить плавание. Налив воды, Дмитрий приподнял голову девушки и поднес стакан к ее губам. Она сделала несколько глотков, благодарно потерлась щекой о его запястье и тут же повернулась к нему, словно притягиваемая магнитом.

Дмитрий отпустил незнакомку, но она мучительно застонала, лишившись прохладного прикосновения его руки.

– Нет... так жарко... пожалуйста...

Она дрожала. От холода? Но лоб не был горячим. Почему же девушка ведет себя так, словно горит в лихорадке? И что это за болезнь? Кроме того, будь он проклят, если по-прежнему не хочет ее!

Гнев охватил Дмитрия с новой силой, и он почти вылетел из комнаты, громовым голосом призывая Владимира. Слуга мгновенно появился как из-под земли.

– Ваша светлость?

Дмитрий никогда не бил слуг, даже в ярости. Поступить так означает совершить величайшую несправедливость, ведь они принадлежат ему душой и телом и не могут ответить ударом на удар, не могут попросить расчета и уйти, не могут ничем себя защитить. Однако сейчас он был до того раздражен, что едва не забыл о собственных принципах.

– Черт тебя возьми, Владимир, женщина больна! Как ты мог этого не знать?!

Владимир ожидал взрыва и знал, что придется все объяснять. Но лучше сейчас, после того как средство возымело действие, чем раньше, когда пришлось бы признаться в неудаче.

– Она не больна, – поспешно заверил он. – Просто в еду подмешали шпанских мушек[7 - Афродизьяк, сильное возбуждающее средство.].

Дмитрий удивленно поднял брови. Как он сам не понял, что мучит бедняжку?! Проведя несколько лет на Кавказе, он как-то видел, что творится с женщиной, испытавшей на себе действие шпанских мушек. Она была ненасытна. Пятнадцать солдат не смогли ее удовлетворить. Она требовала еще и еще, и действие зелья продолжалось много часов.

Дмитрий с отвращением поморщился, поняв, что не сможет в одиночку облегчить страдания несчастной. Наверное, придется позвать на помощь стражников. Боль желания, должно быть, стала невыносимой, и теперь ей нужен сильный мужчина, и скорее всего не один. Но несмотря на брезгливость, он чувствовал, как пульсирует набухшая плоть. Незнакомка не больна! Он возьмет ее, и она станет молить его о новых и новых ласках.

В воображении Дмитрия одна за другой возникали чарующие сцены чувственного исступления.

– Но зачем, Владимир? Мне всего-навсего нужно было провести приятный вечер, и не требовалась тигрица в по стели.

Гроза миновала. Владимир понял, что князь больше не сердится. Мало того, он наверняка будет весьма доволен исходом сегодняшней ночи. И это самое главное.

– Ее было невозможно убедить, милорд. Она не желала никаких денег и повторяла, что не собирается ложиться в постель с незнакомым мужчиной.

– Утверждаешь, что она мне отказала?! – изумленно пробормотал Дмитрий. – Разве ты не сказал ей, кто я?

– Конечно, сказал! Но эти английские простолюдины слишком высокого мнения о себе. По-моему, девушка хотела, чтобы за ней сначала ухаживали... или уговаривали, уж не знаю. Я объяснил, что на это нет времени и что вам совсем ни к чему утруждать себя ради таких, как она. Простите, ваша светлость, но больше я ничего не смог придумать.

– Сколько снадобья вы ей дали?

– Насыпали на глазок.

– Так что действие может продолжаться часами?!

– Пока вы соизволите оставаться с ней.

Дмитрий, проворчав что-то нечленораздельное, повелительным жестом отослал Владимира и снова вошел в комнату, удивляясь своему желанию поскорее увидеть женщину. Она по-прежнему металась на постели и громко стонала, но стоило ему сесть рядом, и огромные голубовато-зеленые глаза тут же воззрились на него. Женщина немного успокоилась, но оставаться неподвижной не могла.

– Доктор?

– Нет, голубка, боюсь, доктор тут не поможет.

– Значит, я умираю?

Дмитрий мягко улыбнулся. Она действительно не понимает, что происходит и какое лекарство существует от подобной «болезни». Но Дмитрий будет счастлив все объяснить и показать.

Наклонившись над незнакомкой, он легко притронулся губами к ее губам. Глаза ее удивленно распахнулись. Дмитрий едва сдержал смех. Какое странное сочетание невинности и чувственного притяжения! Он находил ее восхитительной!

- Тебе это не понравилось?

- Нет... я... о небо, да что это со мной?

- Мой слуга решил преодолеть твою застенчивость при помощи шпанских мушек. Знаешь, что это такое?

- Нет... но мне очень плохо.

- Ты не больна, малышка. Просто таково действие этого средства - оно до невероятной степени возбуждает плотское желание.

Прошло несколько мгновений, прежде чем сказанное дошло до нее, и девушка в ужасе закричала:

- Не-е-ет!

- Ш-ш-ш, - успокоил Дмитрий, поглаживая ее щеку. Она немедленно уткнулась лицом в его ладонь. - Я не пожелал бы такого ни одной женщине, но, поскольку уж это произошло, могу помочь тебе, если позволишь.

- Но как?

Девушка относилась к нему с явным подозрением. В ее глазах Дмитрий читал недоверие. Владимир прав. Она действительно не хочет иметь с ним ничего общего. Если бы не снадобье, Дмитрий ничего не добился бы, совсем как тот болван, что пристал к ней на улице. Загадочная история! Он чувствовал, что, даже если бы пустил в ход все свое обаяние, она все равно отвергла бы его. Да эта пичужка просто бросает ему вызов! Будь у него чуть больше времени...

Но сейчас она одурманена, и шпанские мушки творят чудеса. Он возьмет ее. А тщеславие Дмитрия было задето настолько, что он готов был воспользоваться

создавшимся положением и усмирить этот английский цветочек.

Не отвечая, он продолжал гладить девушку по щечке, такой же нежно-розовой, как все ее миниатюрное изящное тело.

- Как тебя зовут, милая?

- Кит... нет, Кейт... то есть Кэтрин.

- Значит, Кит и Кейт, то есть Кэтрин. - Дмитрий улыбнулся. - Царственное имя! Ты ведь слышала о Екатерине Первой и Екатерине Второй, российских императрицах?

- Да.

- А фамилии у тебя нет?

Кэтрин упрямо отвернула голову.

- Секрет? - хмыкнул Дмитрий. - Ах, малышка Катя, я так и знал, что ты сможешь развлечь меня. Но фамилии действительно нам ни к чему. Еще немного, и мы будем слишком близки, чтобы беспокоиться из-за таких пустяков.

Не переставая говорить, он положил руку ей на грудь и услышал резкий мучительный крик.

- Слишком чувствительна, милая? Тебе необходимо немедленное избавление, не так ли?

Он погрузил пальцы в треугольник темно-каштановых волос между ее ног.

- Нет! Прошу вас, не надо!

Но несмотря на все протесты, девушка бессознательно выгнулась, пытаясь налечь всем весом на его руку.

– Другого способа нет, Катя, – заверил он тихо. – Ты просто еще не успела понять этого.

Кэтрин застонала, ощутив, как усиливается нестерпимая пульсация от его прикосновения. Умом она понимала: то, что он делает, – невыносимо и непристойно, но была не в силах остановить этого человека, точно так же, как не нашла в себе воли прикрыться, когда он впервые появился в комнате.

Ей необходима прохлада его нежных рук. Ей нужно...

– О Боже, Боже! – пронзительно вскрикнула она, едва ослепительное наслаждение взорвалось в ней бушующим смерчем, унося ее вдаль, смывая нестерпимый жар.

Кэтрин очутилась в безбрежном прохладном море блаженного утомления. Напряжение покинуло тело, оставив ее расслабленной и бесконечно удовлетворенной. Но раздавшийся над ухом голос вернул к ужасной реальности, заставил вспомнить обо всем.

– Видишь, Катя? Это было единственным средством.

Кэтрин мгновенно открыла глаза. Она совсем забыла о нем! Почему? Именно этот человек избавил ее от расплавленной лавы в жилах и во всем теле. Но как она могла позволить ему сделать это? И сейчас он сидит рядом не сводя с нее глаз, а ведь она совсем голая!

Кэтрин приподнялась, лихорадочно оглядываясь в поисках простыни, уже давно соскользнувшей на пол. Она по пыталась было прикрыться одеялом, но Дмитрий, разгадав намерения девушки, положил ей руку на живот, придавив к постели.

– Ты бесцельно тратишь энергию, хотя осталось всего несколько минут передышки. Сейчас все начнется снова, крошка. Попытайся сберечь силы и отдохни немного, пока еще есть время.

– Лжете! – в ужасе воскликнула Кэтрин. – Это... это не может снова начаться! О, пожалуйста, отпустите меня! У вас нет права держать меня здесь!

– Тебя никто не удерживает, – великодушно объявил Дмитрий, хотя был уверен, что она не успеет даже встать с постели. – Ни один человек не станет препятствовать тебе.

– Они... они заставили меня сидеть в этой комнате! – взорвалась Кэтрин, чувствуя, как возвращается прежняя ярость. – Этот дикарь Киров похитил меня и весь день не выпускал отсюда!

Она была очаровательна в своем бешенстве. Дмитрий ощутил безумное желание целовать ее, сжимать в объятиях. Это маленькое сокровище обладало способностью пьянить его, как крепкое вино, и он сгорал от нетерпения поскорее овладеть Кэтрин, особенно после того, как видел ее бьющейся в порывах страсти. Но нужно быть терпеливым. Не стоит силой брать то, что она скоро отдаст по доброй воле.

– Прости, Катя, но мои люди иногда готовы переусердствовать, чтобы угодить мне. Чем я могу загладить свою вину?

– Только... только... о нет! Нет!

Лихорадка вновь вернулась, медленно нарастая. С каждой секундой Кэтрин становилось все жарче. Она с молчаливой мольбой посмотрела на Дмитрия, прежде чем со стоном отвернуться. Нестерпимое жжение в лоне возобновилось слишком быстро. Он не лгал. И теперь Кэтрин понимала, чего так властно требует ее исстрадавшееся тело. Моральные принципы, стыд, гордость – все смыло, словно весенним ливнем.

– Пожалуйста!

Она начала извиваться, снова пытаясь поймать взгляд этих бархатистых глаз.

– Помогите мне!

– Чем именно, Катя?

– Коснитесь... там... как раньше...

– Не могу.

– О, умоляю!

– Послушай меня! – Он сжал ладонями ее лицо, не давая отвернуться. – Ты знаешь, что сейчас произойдет.

– Не понимаю. Вы обещали помочь. Почему же сейчас отказываетесь?

Неужели она настолько наивна?

– Не отказываюсь, но и ты должна помочь мне. Я тоже нуждаюсь в облегчении, малышка. Посмотри.

Он распахнул халат, под которым ничего не было, и Кэтрин затаила дыхание, впервые в жизни увидев мужскую плоть, гордо поднимающуюся из поросли золотистых волос. Наконец-то сообразив, в чем дело, она залилась багровым румянцем.

– Нет... вы не можете... – сокрушенно пролепетала она.

– Я должен. Именно это тебе сейчас необходимо, Катя, мне нужно войти в тебя. И я на все готов. Видишь, я здесь! Воспользуйся мной как лекарством!

Дмитрий не привык ни о чем просить женщин. Такое с ним происходило впервые и доказывало, до какой степени он желал Кэтрин... Невозможно припомнить, когда еще он так страстно хотел женщину. И ему совершенно ни к чему спорить с ней. Она не сможет долго сопротивляться действию снадобья.

Он ничего не сказал больше, не коснулся ее, лишь выжидал, наблюдая, как бедняжка мечется, истерзанная муками. При виде ее ненужных страданий Дмитрий чуть заметно морщился, как от боли. Ей стоит лишь попросить – и наступит блаженное избавление. Но она сопротивляется действию зелья и отвергает лекарство. Можно ли быть такой глупышкой? Или это гордость?

Дмитрий почти готов был послать к дьяволу ее протесты и начать действовать сам, когда она повернулась к нему, глядя прямо в душу этими огромными

молящими глазами, губы соблазнительно приоткрылись, волосы разметались по плечам, грудь волнуется. Создатель, как она прекрасна, как невероятно чувственна!

– Больше я не вынесу! Александров, делайте все, что угодно, только побыстрее!

Дмитрий удивленно улыбнулся. Малышка ухитрилась превратить мольбу в приказ, правда, такой, которому он был рад подчиниться.

Сбросив халат, он растянулся на постели рядом с Кэтрин и притянул ее к себе. Она вздохнула от удовольствия, чувствуя прикосновение прохладного тела, но вздох тут же превратился в тихий плач. Девушка ждала слишком долго, и теперь ее кожа опять стала слишком чувствительной, особенно на груди. Проклятие! Он так хотел почувствовать под ладонями эту изумительную плоть! Но придется по терпеть.

– В следующий раз, Катя, не тяни так долго! – резко велел он.

Глаза Кэтрин округлились:

– В следующий раз?

– Это может продолжаться часами, но тебе нет необходимости так страдать. Понимаешь? Только больше не отталкивай меня.

– Нет... не стану... только, пожалуйста, Александров, поскорей!

Дмитрий улыбнулся. Ни одна женщина никогда еще не звала его по фамилии, по крайней мере в постели.

– Дмитрий, – поправил он, – или «ваша светлость». – И весело хмыкнул, потому что крохотные кулачки забарабанили по его груди. – Хорошо, малышка, хорошо. Не волнуйся.

Больше он не мог ждать. Ее бедра поднимались и опускались в безумном ритме, разжигая его страсть. Он перекатился, лег на нее, опираясь на локти, и нагнул голову, чтобы испить сладость этих розовых губ. Дмитрий целовал ее и не мог

оторваться, но Кэтрин извивалась все лихорадочнее, не позволяя ему забыться.

Дмитрий слегка отстранился и, сжав ее лицо ладонями, посмотрел в голубовато-зеленые, затуманенные глаза. Он хотел снова видеть девушку в тот момент, когда она потеряет голову в порыве экстаза. Он врезался в нее глубоко и мощно и услышал вопль боли. Поздно. Кэтрин больше не была девственна.

– Иисусе милостивый! – прошипел Дмитрий. – Почему ты не сказала мне?

Кэтрин, не ответив, опустила ресницы, и одинокая слеза скатилась из уголка глаза. Дмитрий выругался про себя. Она совсем не была похожа на наивную девчонку! Он считал ее настоящей женщиной! Но как она до сих пор ухитрилась сохранить невинность? Среди слуг такая добродетель ценится невысоко! Только аристократы требуют от будущих жен доказательств девственности в первую брачную ночь.

– Сколько тебе лет, Кэтрин? – мягко спросил он, вытирая с ее щеки соленую каплю.

– Двадцать один, – пробормотала она.

– И ты умудрилась так долго оставаться девушкой? Невероятно. Должно быть, ты работала в доме, где совсем нет мужчин.

– М-м-м.

Дмитрий рассмеялся. Она вовсе не слушала, но продолжала вращать бедрами, стараясь поглубже вобрать его в себя. Ощущение было невероятно острым, и Дмитрий, стиснув зубы, позволил ей делать с ним все, что пожелает. Однако не прошло и нескольких минут, как ее тело сотрясли сладостные судороги, и хотя он хотел продлить собственное наслаждение, эта пульсирующая плоть с такой силой обхватила его набухший жезл, что Дмитрий, не выдержав накала восхитительных эмоций, излился в нее, с силой вдавливая ее бедрами в перину и слушая тихие крики, – Кэтрин снова билась в конвульсиях, забыв обо всем.

Дмитрий, с лихорадочно колотившимся сердцем, отодвинулся, сел и потянулся к бокалу, чтобы налить себе бренди. Он предложил Кэтрин выпить, но та, не глядя

на него, лишь покачала головой. Дмитрию хотелось смыть с нее пятна крови, доказательство девственности, но придется подождать, пока жар вновь завладеет ею. Он улыбнулся, предвкушая, как вновь станет ласкать ее и подарит блаженство.

Дмитрий уселся поудобнее, положив ей руку на бедро. Девушка по-прежнему не желала смотреть на него, пока он не прижал круглое холодное основание ножки бокала к заостренному соску. Глаза девушки блеснули так ярко, что Дмитрий весело хмыкнул.

– Тебе придется ублажать и меня, Катя. Мне нравится играть с моими женщинами.

– Но я не твоя женщина.

Неожиданная враждебность в голосе доставила ему удовольствие снова настаивать:

– Моя... моя, по крайней мере на эту ночь.

Он наклонился вперед и лизнул другой сосок кончиком языка. Кэтрин нервно дернулась и тут же охнула, когда он взял губами маленькую грудь и начал сосать. Ее руки инстинктивно метнулись к волосам Дмитрия, чтобы оттянуть его, но тот стал легко покусывать упругий холмик, пока Кэтрин не сдалась и не позволила ему делать все, что он хочет. Не прошло и нескольких минут, как она вновь была готова принять его.

Дмитрий встал, чтобы намочить мочалку в оставшейся после купания воде, сначала вытер тело Кэтрин, подождал, пока жар станет почти нестерпимым, и только потом, плеснув на мочалку ледяную воду из кувшина, прижал ее к пылающему местечку между ног.

Кэтрин едва не обезумела. Сочетание холода и властного прикосновения было приятнее всех ласк. Она достигла экстаза почти немедленно, но исступленный прилив уносил ее все дальше и дальше, пока Дмитрий наконец не выпрямился. Он отошел, чтобы вымыться, и, вернувшись, снова лег на нее и принялся сосать ее груди. У Кэтрин не осталось воли протестовать. Она нуждалась в нем, и это было ясно без всяких доказательств. Если он настаивает на том, чтобы «играть»

с ней во время коротких передышек, значит, придется нести этот крест. Но говоря по правде, она получает удовольствие от этих игр, так к чему жаловаться?

Кэтрин достигла очередной вершины экстаза, потираясь бедрами о его бедра, пока Дмитрий продолжал ласкать ее груди. А потом он снова отыскал пальцами крохотный бутон ее женственности, и их языки сплетались в эротическом танце, доводя Кэтрин почти до безумия, поднимая наслаждение до непереносимой остроты. Однако ничто не могло сравниться с той минутой, когда он вновь вошел в нее, даря исступленную радость и благословенное удовлетворение.

И так продолжалось всю ночь. Дмитрий ни в чем ей не солгал. Кэтрин не страдала больше, и пока подчинялась ему во всем, он облегчал ее муки, был рядом и час за часом давал ей невероятное ослепительное счастье – своими руками, ртом, всем телом – и просил за это лишь позволения ласкать ее, играть с грудями, сосками, губами... Кэтрин была уверена, что он узнал каждый дюйм ее тела так же хорошо, как своего собственного. Но теперь ей было все равно. Эта ночь – нечто нереальное, как страшный сон, который можно забыть, проснувшись.

Глава 7

– Владимир, вставай. Владимир!

Маруся грубо трясла его за плечи, пока он наконец не приоткрыл мутный глаз.

– Пора. Лида слышала, как он ходит по комнате. Тебе лучше поскорее отослать бедняжку домой.

– Бедняжку? И это после всего, что по ее милости мне пришлось пережить?

– Вспомни-ка, что она пережила по нашей вине! Выгляни в окошко, муженек. Уже светает.

Владимир повернул голову. И вправду, небо окрасилось фиолетовым цветом. Мгновенно проснувшись, он отбросил легкое одеяло, которым накрыла его Маруся, прежде чем спуститься в кухню и разжечь огонь. Он заснул, не раздеваясь, потому что полночи прождал, пока князь выйдет из комнаты женщины. Владимир вовсе не намеревался спать и просто решил прилечь ненадолго, чтобы отдохнуть.

- Он, наверное, поднялся пораньше, - решил Владимир. - Ты ведь знаешь, его светлость никогда не спит долго. И не мог же он всю ночь оставаться с ней.

- Так или иначе, Лида говорит, что он проснулся, и тебе лучше вывести женщину из дома, прежде чем барин выйдет из спальни. Он так не любит встречаться наутро со случайными женщинами, подобранными на улице!

Владимир одарил ее взглядом, ясно говорившим: «Этого ты могла мне не объяснять», схватил узел с одеждой и поспешил на третий этаж.

В коридоре никого не было. Охранников отпустили еще вечером, перед приходом Дмитрия. Важно, чтобы князь ничего не заподозрил, пока не увидит женщину. Теперь, если она, оставшись без охраны, решит потихоньку исчезнуть, Владимир будет только благодарен ей, хотя и чувствует себя обязанным вознаградить девушку за все неприятности.

Владимир бесшумно приоткрыл дверь в надежде, что Лида ошиблась и это камердинер ходит по комнате Дмитрия. Тем не менее шансы увидеть здесь барина были настолько невелики, что Владимир мысленно выругал себя. Ну стоит ли так осторожничать?!

Спальня действительно была пуста, если не считать женщины. Она все еще крепко спала, укрытая атласным покрывалом. Бросив ее одежду на стул, Владимир подошел к постели и тронул женщину за плечо.

- Не нужно, - простонала она.

Владимир ощутил мгновенный укол жалости. Ею действительно попользовались, и попользовались хорошо! В закрытой комнате стоял удушливый запах плотской любви. Пожалуй, лучше сначала впустить немного воздуха.

Пыхтя от натуги, он отодвинул тяжелый гардероб к стене и с наслаждением подставил лицо утреннему ветерку.

– Спасибо, Владимир, – раздался за спиной голос князя. – Я с ужасом думал о том, что придется налечь плечом на этот гроб.

– Барин! Простите меня! Я как раз собирался разбудить ее и...

– Не надо.

– Но...

– Пусть спит. Ей нужно отдохнуть. Кроме того, мне очень хочется узнать, какая она на самом деле, когда полностью владеет собой.

– Не... не советовал бы, – нерешительно пролепетал Владимир. – Она не очень сговорчива и не так уж приятна.

– Разве? Я положительно заинтригован, учитывая, какой сговорчивой она была всю ночь напролет. По правде говоря, не помню, когда я в последний раз так хорошо проводил время.

Владимир облегченно вздохнул. Князь не играет словами, как обычно, когда приходит в бешенство, а действительно доволен. Игра стоила свеч. Хорошо бы теперь и подготовка к отплытию прошла гладко, чтобы ничто не испортило настроение барину.

Дмитрий повернулся к кровати. Рассыпавшиеся каштановые волосы закрывали все, кроме тонкой руки и бледной щечки. Его неудержимо тянуло в эту комнату, хотя необходимо было поспать несколько часов и вымыться, прежде чем начнутся суматошные приготовления к отъезду. Ванну он успел принять, но так и не смог выбросить женщину из головы.

Князь сказал Владимиру правду. Никогда еще ему не доводилось провести такого восхитительного и необычного вечера. По чести говоря, он должен был чувствовать себя таким же усталым, как и эта женщина. Но он умудрялся экономить силы, удовлетворяя Кэтрин ртом и руками. Мысль о том, чтобы отдать

ее своим людям на потеху, вызывала в нем отвращение. И кроме того, Дмитрий попросту не желал ни с кем делить неожиданно найденное сокровище.

Невероятно, но он действительно почувствовал разочарование, когда девушка наконец уснула. Дмитрий был по-прежнему бодр и свеж, и желание никак не хотело утихнуть.

- Ты знал, что она была девственна, Владимир?

- Нет, барин. Это имело какое-то значение?

- Для нее, вероятно, да. Сколько ты собирался ей заплатить?

Учитывая только что сказанное, Владимир удвоил сумму:

- Сто фунтов.

Дмитрий, искоса поглядев на него, решил:

- Лучше тысячу... нет, две. Пусть купит себе красивое платье. Эти лохмотья просто невыносимы. Может, найдется подходящее платье, которое она смогла бы надеть, когда проснется?

Владимиру не стоило даже удивляться. Щедрость и великодушие князя были известны повсюду. Но все же женщина была всего-навсего простолюдинкой!

- Почти все вещи слуг уже на корабле, ваша светлость.

- И Анастасия, конечно, не согласится подарить ей одно из своих платьев? Нет, ни за что. Она вчера дулась на меня за то, что я не позволил ей пуститься в разгул прошлой ночью. Думаю, сейчас она воспользуется любой возможностью сделать мне назло.

Владимир поколебался, но если барин желает одеть девушку в роскошные наряды... нет, он не решится упомянуть о том, что почти весь гардероб графини Рутковской приплыл с ними в Англию, хотя сама дама осталась в России. Князь может весьма утонченно отомстить, отдав девушке все вещи графини,

поскольку наверняка покончил с ней после того, как дама так его разочаровала, но Владимир вовсе не желал, чтобы эта несговорчивая грубиянка получила столько дорогой одежды. Роскошные платья не для таких, как она.

– Я пошлю служанку поискать что-нибудь подходящее, как только откроются лавки, – предложил Владимир, но тут же добавил: – Если, конечно, считаете, что она согласится остаться здесь до тех пор.

– Нет, не стоит. Я просто представил, с каким бы удовольствием приказал выбросить это отрепье, – небрежно отмахнулся Дмитрий. – Я позову тебя, когда она соберется уйти.

Значит, он хочет побыть с ней еще немного? Настолько сильно заинтересовался этим серым воробушком?

Владимир снова замялся. Он никогда еще не ставил свои желания выше желаний хозяина, как сделал это только что. Однако ему не пришлось угождать барину – тот, по всему видно, и без того был в прекрасном настроении. Но Владимир слишком невзлюбил эту женщину за все беспокойства и волнения, которые она доставила ему своим упрямством. Пусть даже она в конце концов сумела ублажить князя, но, по мнению слуги, ей уже и так причитается слишком много! Если это зависит от него, девчонка не получит ничего сверх огромной суммы, обещанной его светлостью! Не хватало еще наряжать ее, как барыню!

– Как прикажете, барин.

Владимир вышел, тихо прикрыв за собой дверь, и спустился вниз, чтобы рассказать Марусе о последней причуде князя. Но жена скорее всего только посмеется и напомним ему, как много лет назад отец барина тоже увлекся англичанкой настолько, что женился на ней. Слава Богу, эта девица из простых, не то что леди Энн.

Тем временем Дмитрий потушил горевшие всю ночь лампы и вытянулся на постели, которую оставил всего несколько часов назад. Кэтрин лежала на животе; нежное личико было повернуто к нему. Дмитрий осторожно пригладил непокорные локоны, чтобы лучше видеть девушку. Она не шевельнулась.

Во сне резкие черты лица смягчились, совсем как в мгновения страсти. И Дмитрий не мог забыть эту страсть. Конечно, причиной всему – проклятое зелье, и вот почему он хотел овладеть девушкой еще раз, когда она придет в себя. Отчасти он стремился принять вызов, узнать, сумеет ли поднять ее до тех же высот наслаждения, пробудить в ней такие же обостренные ощущения. Но в душе, кроме того, тлеющее извращенное стремление доказать себе, что девчонка не может быть столь невероятно чувственной теперь, когда больше не находится под воздействием шпанских мушек.

Однако пока что ей необходимо поспать, чтобы восстановить силы. Дмитрий совершенно не переносил ожидания. Терпение не относилось к числу его добродетелей. Но все равно до самого отплытия больше делать нечего.

Глава 8

Солнце поднималось все выше, и слуги уже проворно сновали по дому с метлами и тряпками. Князь любил, уезжая, оставлять все в идеальном порядке. Лакеи и горничные герцога Олбемарла, отпущенные накануне, поскольку Дмитрий всегда возил с собой собственный штат прислуги, не найдут нигде и лишней пылинки, когда вернутся к вечеру. Но в комнате на третьем этаже по-прежнему царил тишина.

Владимир, терпеливо ожидавший в холле, пока его позовут, решил, что барин заснул. Он провел с женщиной еще три часа. Должно быть, все-таки спит. Но до отъезда еще есть время. Он посидит здесь еще немного, прежде чем осмелится потревожить господина.

Дмитрий, однако, не сомкнул глаз, но при этом ни сколько не чувствовал себя усталым. Он сам удивлялся своему терпению, хотя время тянулось ужасающе медленно. До сих пор ему удавалось держать руки подальше от Кэтрин. Наконец он притянул ее к себе и стал ласкать, пытаясь привести в чувство. Она сонно сопротивлялась.

– Не сейчас, Люси. Уходи.

Дмитрий улыбнулся, рассеянно гадая, кто такая эта Люси. Прошлой ночью Кэтрин говорила с ним по-французски, потому что он обратился к ней на этом языке, и говорила прекрасно. Правда, английский она знала гораздо лучше, а повелительный тон, которым она обратилась к неизвестной Люси, еще больше позабавил князя. Однако он терпеть не мог английского и поэтому старался не употреблять его без лишней необходимости.

– Ну же, Катя, обними меня, – уговаривал Дмитрий, осторожно глядя ее атласное плечо. – Я уже устал ждать, пока ты проснешься.

Наконец ее веки приподнялись. Девушка обнаружила, что смотрит прямо в глаза незнакомого мужчины, а носы их почти соприкасаются. Кэтрин недоуменно моргнула, но странное видение не исчезло. Она, казалось, совершенно не узнавала его, ничему не удивлялась и даже не смутилась. Однако на самом деле Кэтрин постепенно приходила в себя. Она медленно отодвигалась, пока наконец не оказалась почти на краю кровати. И все это время не переставала оглядывать Дмитрия с головы до ног и с ног до головы. Такой хладнокровный осмотр мог кого угодно вывести из себя, поскольку у Дмитрия сложилось определенное впечатление, что она считает его не совсем достойным для себя обществом.

Но на самом деле Кэтрин с трудом осознала, что перед ней живой настоящий мужчина. Истинный Адонис, принц из волшебной сказки. Ее практичный ум отказывался верить этому. В жизни таких людей просто не бывает.

– Вы обычно исчезаете, когда часы пробьют полночь?

Дмитрий весело расхохотался:

– Если хочешь сказать, что так скоро позабыла меня, малышка, я буду рад освежить твою память.

Кэтрин побагровела до корней волос и, судорожно вцепившись в покрывало, села. Она наконец вспомнила.

– О Господи, – застонала девушка, но тут же требовательно воскликнула: – Почему вы все еще здесь? Могли бы по крайней мере хотя бы ради приличия оставить меня наедине с моим позором!

- Но чего тебе стыдиться? Ты не сделала ничего плохого!

- Тут вы правы, - с горечью согласилась Кэтрин. - Это со мной поступили не слишком хорошо. А вы... пожалуйста, только уходите поскорее!

Она с отчаянием закрыла лицо руками. Плечи подавленно опустились. Девушка молча раскачивалась, не замечая, что глазам Дмитрия открывается соблазнительное зрелище - изящная спина и верхняя часть упругих полушарий.

- Неужели ты плачешь? - небрежно спросил он.

Кэтрин замерла, но, не опустив руки, невнятно промямлила:

- Я не плачу, и почему бы вам не убраться отсюда?

- Именно поэтому ты прячешь лицо? Ждешь, пока я уйду? Если так, тебе лучше сдаться. Я остаюсь здесь.

Кэтрин мгновенно выпрямилась, опустила руки, и Дмитрий увидел, что ее суженные глаза яростно сверкают:

- Тогда уйду я!

И она бы так и сделала, только вот почему-то никак не могла сдернуть с кровати покрывало. На нем лежал Дмитрий и, очевидно, не собирался подвинуться.

Кэтрин едва не набросилась на него:

- Немедленно встаньте!

- Нет, - просто ответил он, подкладывая руки под голову и потягиваясь.

- Время игр закончилось, Александров, - ледяным тоном предупредила она. - Что, спрашивается, вы хотите этим сказать, черт побери?!

– Катя, пожалуйста, я уже думал, что с формальностями покончено, – мягко упрекнул князь.

– Должна ли я напомнить вам, что нас никто друг другу не представил?

– Настаиваешь на соблюдении приличий? Прекрасно, – вздохнул он. – Дмитрий Петрович Александров.

– Вы забыли упомянуть свой титул, – напомнила Кэтрин. – Князь, не так ли?

Темная бровь вопросительно приподнялась.

– И это тебя не устраивает?

– Для меня это не имеет ни малейшего значения. Ну а теперь мне хотелось бы остаться одной, одеться и по скорее покинуть это место, если не возражаете, конечно.

– Но к чему спешить? У меня сколько угодно времени...

– Но у меня его нет! Создатель, меня держали здесь всю ночь! Отец с ума сойдет от тревоги!

– Ничего страшного. Я пошлю кого-нибудь к нему сообщить, что вы в безопасности, если, конечно, дадите мне адрес.

– Ни за что! Не хватает еще, чтобы вы знали, где меня найти! Надеюсь, что вижу этот дом и вашу светлость в последний раз.

Почему она сказала это? Дмитрий почувствовал, как сердце сжалось совершенно неожиданным сожалением. Он почему-то понял, что, будь у него время, стоило бы узнать эту женщину получше. Она была такой необыкновенной... первая, на кого не производили ни малейшего впечатления его титул, красота и богатство. Правда, Дмитрий чувствовал, что физически ее влечет к нему, но маленькой голубке не терпелось вылететь из клетки.

Дмитрий порывисто повернулся к ней лицом и спросил:

- Ты хотела бы побывать в России?

- Такое просто не заслуживает ответа, - фыркнула она.

- Осторожнее, Катя, или я начну думать, что не нравлюсь тебе.

- Но я вас совсем не знаю.

- По-моему, ты прекрасно знаешь меня.

- Не вас, а ваше тело, а это совершенно не одно и то же. Мне известно ваше имя и то, что сегодня вы покидаете Англию. Это, пожалуй, все... нет, неправда. Я поняла также, что ваши слуги готовы на любое преступление, чтобы угодить вам.

- Ну вот, теперь мы добрались до сути дела. Возражаешь против способа, которым Владимир устроил нашу встречу. Вполне резонно. У тебя действительно не было иного выбора. Но, Кэтрин, и у меня тоже. Ну... это не совсем верно... я мог бы уйти отсюда и оставить тебя страдать.

Глаза Кэтрин гневно полыхнули при этом подчеркнутом напоминании о прошедшей ночи.

- Если думаете, что я поблагодарю за помощь, должна вас разочаровать. Я не так глупа и понимаю, почему мне подсыпали это омерзительное зелье. Они сделали это ради вас, поскольку я отказывалась согласиться с вашими планами на вчерашний вечер. Кстати, я желаю, чтобы ваш слуга предстал перед судьей. Ему это с рук не сойдет!

- Ну что ты, ведь ничего особенного не случилось. Верно, ты больше не девственна, но этому стоит только радоваться.

Не будь Кэтрин жертвой этих ужасных обстоятельств, она могла бы рассмеяться над абсурдным заявлением, поскольку князь, без всякого сомнения, говорил искренне. Он действительно думает, что никакой великой потери она не понесла, и это ясно говорило, до какой степени он развращен. Но спорить с ним бессмысленно, особенно если учесть, кем он ее считает. Однако Кэтрин почему-

то ощущала, что, знай Дмитрий правду, мнение его не изменилось бы.

Ей пришлось усилием воли взять себя в руки.

– Вы намеренно не желаете вспомнить о том, что меня похитили, притащили с улицы, бросили в карету, заткнули рот и заперли в этом доме, как в тюрьме, на весь день. Мне угрожали, меня оскорбляли...

– Угрожали? – нахмурился Дмитрий.

– Вот именно. Я собиралась кричать, позвать на по мощь, но узнала, что за дверью стоят охранники, которым приказано связать меня, если стану сопротивляться. Меня предупредили также, что силой принудят вымыться и поесть.

– Чепуха! – безапелляционно махнул рукой Дмитрий. – Тебя ведь и пальцем не тронули, не так ли?

– Не об этом речь! Киров не имел права привозить меня сюда и держать взаперти против моей воли.

– Ты слишком громко возражаешь, малышка, и совсем забыла, что в конце концов прекрасно провела здесь время! Что было, того не исправить. Скандал ничего тебе не даст. А Владимиру приказано щедро расплатиться с тобой...

– Снова деньги? – обманчиво-мягким тоном осведомилась она.

– Конечно. Я всегда плачу за свои развлечения...

– Прекратите! – разъяренно взвизгнула она. – Сколько раз повторять? Я не продавалась, не продаюсь и не собираюсь продаваться!

– Ты способна отказаться от двух тысяч фунтов?!

Если он думал, что такое великодушие вызовет в ее настроении немедленную перемену, то жестоко ошибся.

– Я не только откажусь, но и готова объяснить, что вы можете сделать со своими деньгами!

– Пожалуйста, не стоит, – поморщился князь.

– И вам не купить моего молчания, так что не трудитесь больше оскорблять меня!

– Молчания?

– Праведное небо, неужели вы не слушаете меня?

– Слышал каждое слово, – заверил князь, улыбаясь. – Ну а теперь не лучше ли покончить с этими глупостями? Хватит, Катя, лучше иди ко мне.

Дмитрий потянулся к ней, но девушка в испуге отпрянула:

– Нет! Пожалуйста!

Умоляющие нотки в собственном голосе раздражали Кэтрин, но она ничего не могла поделать. После того, что случилось, она боялась, что не способна будет совладать с собой, если Дмитрий притронется к ней. Она никогда не встречала такого привлекательного мужчину. В его красоте было нечто гипнотическое, притягательное, манящее. Самым удивительным было то, что он хотел ее и ласкал всю ночь напролет. Приходилось заставлять себя сосредоточиться, обрушить на него праведный гнев, вместо того чтобы по-дурацки глазеть на него.

Но Дмитрий вовсе не собирался сердиться, наоборот, обрадовался. Он слишком хорошо сознавал, что ни одна женщина не способна устоять перед ним, и без труда понял, что мучает сейчас его пленницу. Стоило воспользоваться своим преимуществом, но Дмитрий почему-то колебался. Правда, он по-прежнему невыносимо хотел ее, но сейчас Кэтрин была слишком возбуждена и вряд ли скоро успокоится.

Дмитрий вздохнул и опустил руки.

– Так и быть, малышка. Я надеялся... не важно... – Сев на край постели, он с неотразимой улыбкой посмотрел на Кэтрин. – Ты уверена?

Девушка едва не застонала вслух. Ей хотелось бы сделать вид, что она не понимает намеков князя, но даже взгляд его был слишком красноречив. Мать Божья, неужели он снова хочет взять ее, после этой безумной ночи?

– Совершенно уверена, – ответила она, молясь, чтобы он наконец ушел.

Дмитрий встал, но направился не к двери, а взяв со стула охапку одежды, вручил Кэтрин.

– Ты должна принять деньги, Катя, хочешь ты этого или нет.

Кэтрин с отвращением воззрилась на черное платье. Дмитрий же, увидев нижние юбки, с удивлением посчитал, что у нее, по крайней мере в том, что касается нижнего белья, вкус гораздо лучше.

– Если я оскорбил тебя, предложив слишком много, – мягко добавил он, – то лишь потому, что ты могла бы купить себе на эти деньги несколько новых туалетов. Я просто хотел сделать тебе подарок, ничего больше.

Она поднимала голову все выше, пока их глаза не встретились. Отчего она не заметила вчера, как невероятно он высок?

– Я не могу принимать от вас подарки.

– Почему?

– Не могу, вот и все.

Наконец Дмитрий начал злиться. Она просто невозможна. Какая-то девчонка, простая служанка отвергает его щедрый дар?!

– Вы примете деньги, мисс, и я ничего больше не желаю слушать, – повелительно объявил он. – А теперь я пошлю горничную помочь вам одеться, и Владимир отвезет...

– Не смейте снова посылать ко мне это животное, – резко перебила она. – Видите, вы совсем не обращаете внимания на мои слова. Я же сказала, что потребую ареста Кирова.

– Сожалею, что не смогу удовлетворить ваше раненое самолюбие, позволив сделать это, дорогая. Я не оставлю в беде своего слугу.

– У вас не будет выбора, так же как его не было у меня.

Какое счастье наконец бросить ему это в лицо!

– Вы забываете, что мы сегодня отплываем, – снисходительно усмехнулся Дмитрий.

– Ваше судно можно задержать, – бросила Кэтрин.

Губы Дмитрия зловеще сжались:

– Так же как и вас, пока не будет слишком поздно поднимать скандал.

– Делайте все что хотите, – опрометчиво выпалила Кэтрин. – Но вы недооцениваете меня, если считаете, что сумеете выйти сухим из воды.

Но Дмитрий больше не желал ничего слышать, удивляясь тому, что вообще позволил себе вступить с ней в спор. Да и что она, спрашивается, может сделать? Английские власти не посмеют задерживать его лишь по слову какой-то служанки. Сама эта мысль просто смехотворна.

Коротко кивнув, Дмитрий вышел из комнаты, но, дойдя до половины коридора, остановился как вкопанный. Он совсем забыл, что это не Россия. Русские законы созданы лишь для аристократов, но английские судьи имеют обыкновение выслушивать даже простолюдинов. Здесь считаются с публичным мнением, и девушка вполне способна поднять такой крик, что отголоски его могут дойти до ушей королевы.

Только этого не хватало Дмитрию, особенно если вспомнить о скором прибытии царя. Здесь и без того царят антирусские настроения. Англичане любили государя Александра, потому что благодаря его войскам Наполеон был повержен, но младший брат царя Николай считался назойливым надоедой, вечно старавшимся влезть в дела других стран и повсюду проводить свою политику. И это, конечно, было чистой правдой, но в данном случае не имело значения. Дмитрий и приехал в Англию, лишь не желая, чтобы невыносимое поведение Анастасии опозорило императора.

- Она уже уходит, барин?

- Что?

Подняв глаза, Дмитрий только сейчас заметил, что перед ним стоит Владимир.

- Нет, боюсь, что нет. Ты был прав, друг мой. Больше скандалистки я еще не встречал, и к тому же своим упрямством и неразумием она может доставить нам кучу неприятностей.

- О чем вы, барин?

Дмитрий неожиданно рассмеялся:

- Она хочет, чтобы ты сгнил в какой-нибудь английской тюрьме.

Полное отсутствие беспокойства в лице Владимира лучше слов говорило о способности Дмитрия защитить своих людей.

- И что же делать?

- Не думаю, что она собирается сдаваться, даже если мы вовремя успеем отплыть.

- Но визит царя...

- Совершенно верно. Все остальное не важно. Так что ты думаешь по этому поводу, Владимир? И что можешь предложить?

У Владимира действительно было одно предложение, но он боялся, что Дмитрий не одобрит идеи попросту расправиться с девушкой.

– Нельзя ли ее убедить... – И, заметив поднятые брови князя, в отчаянии осекся. – Нет, конечно, нет. Наверное, лучше всего не отпускать ее.

– Правильно, – согласился Дмитрий и почему-то улыбнулся, как будто крайне довольный таким решением. – Да, боюсь, что ей придется остаться с нами, по крайней мере на несколько месяцев. Потом ее можно послать домой на одном из моих кораблей, прежде чем Нева снова замерзнет.

Владимир едва не закричал зубами. Подумать только, несколько месяцев подряд иметь дело с этой бабой, которая кого угодно способна свести с ума! Можно было бы найти ей подходящего тюремщика и здесь. Ее совсем не обязательно брать с собой. Но если барин даже не подумал о такой возможности, значит, еще не покончил с ней. Да что вообще он нашел такого именно в этой девчонке? Она ведь даже не красавица!

Конечно, не стоило и спрашивать, в качестве кого она будет присутствовать на судне, но Владимир не собирался больше допускать ни одной ошибки.

– И кем она будет, барин?

– Служанкой, конечно. Не вижу причины даром растрчивать ее таланты, какими бы они ни были. Обо всем можно договориться позже. Ну а пока без лишнего шума доставь ее на борт корабля. Для этого прекрасно послужит один из моих сундуков, выбрось оттуда вещи. Она достаточно мала, чтобы поместиться внутри. Кроме того, тебе придется раздобыть для нее одежду, по крайней мере на время путешествия.

Владимир с готовностью кивнул, обрадованный тем, что девушка останется всего-навсего служанкой и, следовательно, с ней не нужно будет особенно церемониться.

– Что-нибудь еще, барин?

– Да. Смотри, чтобы до нее никто и пальцем не дотронулся, – ответил Дмитрий, и в голосе его отчетливо прозвучали предостерегающие нотки. – Ни единого крошечного синячка, Владимир, так что будь с ней поосторожнее.

Интересно, как ему это удастся, особенно когда нужно будет запихивать ее в сундук?! Владимир хотел было спросить что-то, но Дмитрий уже отошел. Слуга пожал плечами и, что-то ворча себе под нос, удалился. Служанка, значит?! Да князь просто разозлился на нее, вот и все. Посмотрим, как быстро он изменит решение, когда немного успокоится. Его интерес к ней по-прежнему весьма силен.

Глава 9

– Сюда.

Владимир придержал дверь каюты, чтобы впустить двух лакеев с огромным сундуком князя.

– Осторожнее! Ради Бога, только не уроните. Прекрасно. Теперь можете идти.

Оставшись один, Владимир подошел к сундуку и заглянул в замочную скважину. Ключ лежал в кармане, но слуга не потянулся за ним. Пока нет смысла выпускать женщину. Они поднимут якорь не раньше чем через час. Береженого Бог бережет – лучше пусть полежит в сундуке, пока сбежать уже будет невозможно.

Он услышал громкий стук: вероятно, девушка барабанила ногами в стенку. Владимир удовлетворенно улыбнулся. Честно говоря, он ничуть не сочувствовал ее испытаниям. Пусть помучится немного, ее дерзость и наглость этого заслуживают! Значит, желает посадить его в тюрьму? За что это, спрашивается? Ведь никакого особенного вреда ей не причинили!

Кэтрин, однако, была совершенно противоположного мнения. Теперь к списку всех претензий к этим русским варварам прибавилась еще одна. Связать ее, как цыпленка, и сунуть в сундук, чтобы вынести таким образом из дома. Просто

невыносимо даже думать об этом! Но чего Кэтрин могла ожидать после того, как сама была столь неразумна, что предупредила князя о своих намерениях? Как могла она совершить подобную глупость?

Нет, не стоит во всем винить себя, Кэтрин. В его присутствии просто невозможно мыслить здраво, особенно когда эти бархатистые глаза смотрят на тебя.

Нет ни малейшего сомнения в том, что именно он распорядился нанести ей это последнее оскорбление. Кэтрин предупреждала Дмитрия больше не посылать к ней Кирова, и однако именно этот зверь вошел к ней в комнату почти сразу после ухода князя, так что она даже не успела как следует одеться. Она должна была заподозрить что-то, когда слуга явился не один. С ним был настоящий великан, один из вчерашних стражников, только одетый сегодня в черную с золотом лакейскую ливрею. Он зашел ей за спину, и прежде чем девушка успела сообразить что-то, ее связали по рукам и ногам и сунули в рот кляп.

Потом лакей, как и Киров, не сказавший ни единого слова с самого прихода, подхватил ее как пушинку и потащил вниз. Но вместо того чтобы вынести ее из дома, они открыли дверь комнаты на втором этаже, и не успела девушка моргнуть глазом, как оказалась в сундуке, с поджатыми едва не к подбородку коленями. Крышка захлопнулась.

И тут начались настоящие мучения. Голова Кэтрин касалась стенки сундука, стянутые за спиной руки оказались придавленными весом тела, так что сразу же затекли, и хотя она могла бить ногами по толстым доскам, никто, конечно, не собирался ее выпускать.

Кэтрин не имела ни малейшего представления, где находится сейчас. По толчкам и тряске она поняла, что ее куда-то везут, потом сундук подняли и понесли, а когда наконец поставили, она даже ничего не могла услышать, кроме собственного затрудненного дыхания, и дышать становилось все труднее: в сундуке не было отверстий, если не считать крошечной щелочки у края крышки. Вероятно, если ее продержат здесь еще немного, она задохнется. Но не стоит впадать в панику. Единственный выход – оставаться спокойной, тогда воздуха хватит надолго. Однако минуты перетекали в часы, и Кэтрин невольно задалась вопросом, уж не решили ли русские таким образом избавиться от назойливой служанки. Если они поверили угрозам Кэтрин, как могли отпустить ее? Вероятно, этот сундук станет ей гробом. Но неужели князь Дмитрий способен так поступить с ней, после... после... нет, она ни за что не поверит этому. Зато

Владимир вполне способен расправиться с ней, поскольку не имеет никаких причин жалеть ее или отнестись хоть с малейшей долей симпатии.

А в это время на камбузе тот, о ком она думала, потянулся к поджаристому пирожку с мясом, которые так хорошо умела печь его жена. Но Маруся, не настроенная шутить, отвесила мужу шлепок как раз в тот момент, когда его пальцы были в нескольких дюймах от цели.

– Знаешь ведь, это для князя и княжны, – проворчала она. – Если хочешь пирожков, муженек, следует попросить меня напечь новых.

Корабельный кок, стоявший рядом с Владимиром, рассмеялся:

– Придется, как всем остальным, обойтись сегодня моей стряпней, дружище. – И, покачав головой, тихо прошептал: – Что это с ней стряслось? Прогневал ее чем-то? Считай, что повезло, если она откажет тебе сегодня только в пирожках.

Владимир злобно уставился на весельчака, пока тот наконец не решил, что лучше будет присмотреть за собственными кастрюлями, и не отошел. Однако что, если он прав? Когда муж рассказал Марусе о том, как князь решил поступить с девушкой, та нахмурилась и закричала, что ни одна женщина не заслуживает подобного обращения. Правда, Владимир попытался оправдаться и повторил, что таково было повеление князя, но Маруся покачала головой и заявила, что не в обычаях барина быть таким бесчувственным. Кроме того, она утверждала, что Владимир виноват не меньше.

– Он все еще спит? – неожиданно спросила Маруся.

– Да, так что спешить с его обедом ни к чему.

– Не волнуйся, все будет готово вовремя.

Светло-голубые глаза жены угрожающе сузились, и Владимир понял, что она все еще гневается на него.

– А что ты сделал с несчастной девушкой?

– Поставил сундук в каюту вместе с остальными, – раздраженно отрезал Владимир. – Наверное, придется подвесить для нее койку.

– Что она сказала, когда узнала обо всем?

– Я подумал, что лучше подождать, пока мы отплывем подальше от Лондона.

– Что?!

– Я еще ее не выпустил.

– Значит, успел проделать дырки в сундуке? Ты же знаешь, какие у барина прочные сундуки – в них и капли воды не просочится.

Владимир побледнел. Как он сам не сообразил? Что теперь будет? Правда, он никого раньше не сажал в сундуки!

Маруся охнула, сразу поняв, в чем дело.

– Да ты никак с ума сошел?! Беги и молись, чтобы не опоздать! Скорее!

Он исчез, прежде чем она успела выкрикнуть последнее слово. В мозгу настойчиво звучал приказ князя. Он велел не причинять ей ни малейшего зла. И если барин грозил всеми карами за малейший синячок, что же он сделает с ним, если девушка задохнется?! Подумать только, неужели из-за злобной мелочности и неприязни он убил женщину? Вынести этого он не сможет.

Маруся побежала за ним, и, конечно, эти двое, мчавшиеся по палубе с таким встревоженным видом, не могли не привлечь внимания окружающих. Вскоре за ними уже следовали несколько любопытных слуг и членов команды. Дмитрий, только что проснувшийся, послал своего камердинера Максима узнать, в чем причина такой суматохи.

Лакею достаточно было выйти на порог, чтобы увидеть, как все сгрудились у каюты в конце прохода.

– Они собрались у кладовой, ваша светлость.

Князь обычно путешествовал с таким количеством багажа, включая постельное белье и посуду, что для всех вещей требовалась отдельная каюта.

- Наверное, какой-нибудь сундук разбился. Я сейчас посмотрю.

- Подожди, - остановил его Дмитрий, поняв, что Кэтрин, должно быть, поместили в кладовую и теперь она устроила сцену. - Это, вероятнее всего, англичанка. Приведи ее сюда, ко мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Бабушка (фр.).

2

Весьма сожалею (фр.).

3

Мадемуазель? (фр.)

4

Да? (фр.)

5

Птица из отряда воробьиных.

6

Кокни – уроженец одного из беднейших районов Лондона, Ист-Энда.

7

Афродизьяк, сильное возбуждающее средство.

Купить: <https://telnovel.com/ru/dzhoanna-lindsey/taynaya-strast>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)